

На правах рукописи

Бондаренко Елена Валентиновна

**Эволюция языковой системы в диахронии
(лингвосинергетический и лингвопрогностический аспект)**

Специальность 10. 02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени доктора
филологических наук

Белгород 2007

Работа выполнена в Белгородском государственном университете

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Кретов Алексей Александрович
доктор филологических наук, профессор
Литвин Феликс Абрамович
доктор филологических наук, профессор
Михайлов Леонид Михайлович

Ведущая организация: **Курский государственный педагогический университет**

Защита состоится «___» «_____» 2007 г. в «___» часов на заседании диссертационного совета № _____ по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук в Воронежском государственном педагогическом университете по адресу:

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Воронежского государственного педагогического университета.

Автореферат разослан «___» _____ 2007г.

Ученый секретарь диссертационного совета

Вахтель Н.М.

Весь окружающий нас мир это система сложнейших систем. Материальная сторона образований данного рода находится в процессе постоянного и непрерывного движения. Возникают новые состояния системы, старые – прекращают свое существование. Любая языковая система представляет собой саморазрушающийся и самовосстанавливающийся феномен. В настоящем исследовании предпринимается попытка реконструкции основных этапов и тенденций эволюции языковой системы в диахронии; определяется типологическая значимость установленных этапов для языков разных морфологических типов; этот факт подтверждается на эмпирическом материале, как возможность экстраполяции эволюционных тенденций с одной языковой системы на любую другую; обосновывается возможность использования типологических данных языковой эволюции для проспективной, прогностической реконструкции.

Последнее десятилетие в языкознании характеризуется появлением работ, в которых язык рассматривается с позиций лингвосинергетики (Пищальникова 1997, 1998; Герман 2000; Москальчук 1998, 1999, 2003; Пиотровский 1996; Карпов 1992; Доронина 1997; Ивахненко 1993; Аршинов 1993, 1994; Базылев 1995 и др.) К этим работам по проблематике близки исследования, выполненные в рамках новой лингвистической дисциплины – лингвопрогностики (Кретов 1993, 2000; Рылов 2002; Николаева 1991, 2003; Алпатов 2000; Бестужев-Лада 2000; Гамова 2002; Гарская 2002; Селезнев 2004 и др.)

Между тем, вопросы общих диахронических тенденций саморазвития языка, равно как и возможности типологического прогнозирования языкового развития на основе экстраполяции процессов одного языка на другой остаются только на уровне постановки проблем. Традиционная сравнительно-историческая парадигма языкознания XVIII – XX веков, превратившая исследование языка в самостоятельную науку, имела целью восстановление праязыка методами внутренней и внешней реконструкции языковых данных. Логическим продолжением этих методик должна быть потенциальная возможность реконструирования будущих состояний языка. В. фон Гумбольдт, А. Шлейхер, Л. Боллак, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Е. Д. Поливанов, Н. Я. Марр и многие другие пытались логически предсказать саму возможность языкового прогнозирования. Более века назад И.А. Бодуэн де Куртенэ писал: «Современное языкознание стоит уже на той ступени научного совершенства, что, исследовав с надлежащей точностью по положительным данным все прошедшее развитие известного языка, тщательно подмечая вновь появляющиеся в нем стремления и опираясь на аналогию других языков, оно может предсказать будущность этого языка...» [Бодуэн де Куртенэ 1963].

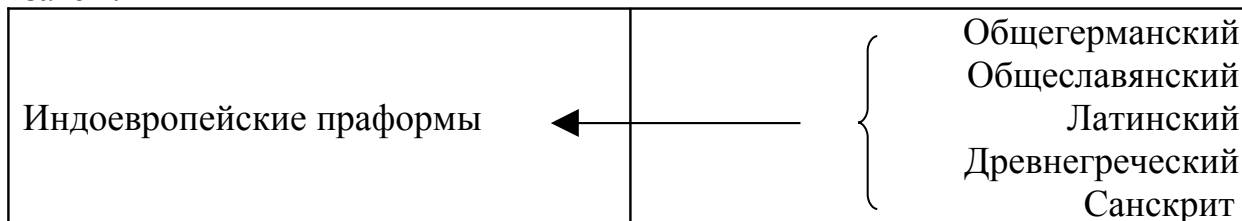
Реконструкция процессов предполагает определение в них трёх состояний: латентного, актуализированного и проспективного. Первый и последний могут быть смоделированы. Отработанная методика реконструкции протосостояний, предлагает точный анализ эмпирии. Лингвопрогностика набирает силу, но технология прогнозирования еще находится в стадии отработки и термин адвентной (проспективной) реконструкции представляется наиболее

приемлемым. Классическая модель ретрореконструкции выглядела следующим образом:

←

[**общегерманский < IVв. < VIIIв. < Xв. < XIVв. < XVIв. < XVIIIв. < XIXв.**]

затем:

Логике научного познания совершенно не противоречит положение о возможности моделирования и в противоположном направлении:

→

[**IVв. > VIIIв. > Xв. > XIVв. > XVIв. > XVIIIв. > XXв. > XXIв. > XXIIв. > XXVв. > и далее.**]

В современном науковедении метод моделирования подобных сложных систем общепризнан. Эта методика, предложенная некогда У. Эшби (аппроксимативный метод «черного ящика») работает в разных областях знаний.

Некоторые типологические особенности развития языковых явлений в различных языках отрицать нельзя, и многовековые структурно-типологические исследования доказывают универсальность общих диахронических тенденций. «Настало время для сравнительно-исторического языкознания вернуться к рассмотрению ведущих теоретических принципов, к пересмотру законов и моделей языковой эволюции вообще» [Bailey 1989, цит. по Николаева 1996]. Всё, что было с языками в латентном состоянии исследовано со времен Ф. Боппа, Я. Гримма, А. Шлейхера и Г. Пауля.

Современная лингвистика в состоянии узнать и то, что будет с языками в будущем. Языковая система в диахронии - лучшая эмпирия для синергетического подхода к проблеме. Любой процесс по своей сути перманентен, но его научная реконструкция логически может быть представлена дискретно, в виде определенных этапов развития, которые внесут определенный вклад лингвистики в общую теорию синергетической прогностики.

Объектом исследования являются эмпирические материалы диахронии английского языка: списки вариантов рукописи IX – XIII вв. «Заповеди Альфреда» и данные орфоэпических и орфографических словарей современного русского языка 1957, 1981 и 1990 гг.

Предметом исследования является поведение языковых систем в диахронии с целью выяснения основных, типологически значимых явлений и тенденций, возможность их экстраполяции для реконструкции перспективных состояний языковых систем.

Материал исследования составили в общей сложности 1490 строк древнеанглийских рукописей и 270 тысяч слов словарей современного русского языка.

Актуальность исследования. Лингвосинергетика и лингвопрогностика являются новейшими научными парадигмами языкознания. Использование базовых положений этих методологических направлений предполагает теоретическое переосмысление и обобщение лингвистического эмпирического материала. Одной из насущных задач современного типологического языкознания признается изучение общих закономерностей эволюции языковых систем. Выбор достаточно изученного и описанного диахронического развития английского языка, в котором сосредоточены все наиболее значимые направления эволюции языковой системы, концентрированно отражающие закономерные этапы ее развития; исследование этапов и тенденций (т.е. процессов) эволюции системы языка и экстраполяция основных направлений на перспективное развитие современного русского языка, полагаем, способствует созданию единого универсального представления об эволюции языковых систем в диахронии для типологически разных языков (принцип униформитарности). Все это является свидетельством актуальности проведенного исследования. Более того, мы предлагаем новое осмысление языковой стратификации актуализированного состояния языковых систем, и изоморфизм диахронического поведения уровневых элементов в параметрах активности/пассивности.

Цель исследования заключается в:

1. доказательстве потенциальной приложимости идей синергетики при анализе эволюции различных языковых структур и единой языковой системы в типологическом и диахроническом понимании;
2. изучении поведения языковых систем в диахронии с точки зрения лингвосинергетики;
3. впервые предпринимаемой попытке реконструкции основных, типологически значимых тенденций и направлений перспективного развития языка как самоорганизующейся системы;
4. доказательстве типологической естественности подобного саморазвития и, следовательно, возможности экстраполяции основных направлений и тенденций диахронического развития системы одного языка (древнеанглийского) на систему другого языка (современного русского).

Достижение поставленной цели предполагает решение комплекса следующих задач:

1. определить и оценить применимость общефилософских синергетических идей к языковой системе;
2. отобрать ограниченное количество наиболее существенных факторов типологического характера, влияющих на структурно-системные изменения языка в диахронии;
3. выяснить элементарную таксономику структурных уровней по степени их активности/пассивности, их компенсационным, лимитирующим или паритетным

свойствам с целью выяснения изоморфизма их конституционных, синтагматических и парадигматических характеристик;

4. уточнить роль и значимость единиц отдельных уровней в процессе саморегуляции языковой системы;

5. выявить основные этапы и тенденции синергетического развития системы древнеанглийского языка на определенном отрезке лингвистического времени, достаточном для актуализации этих тенденций;

6. проанализировать причины и механизмы саморазвития языковой системы древнеанглийского языка в диахронии;

7. показать типологическую универсальность механизмов саморегуляции языковых систем в диахронии и, следовательно, возможность экстраполяции этих механизмов и тенденций с одной языковой системы на другую;

8. на основании типологического анализа данных тенденций проследить возможность проспективной реконструкции, надежного прогнозирования саморазвития языковой системы уже на современном этапе;

9. предложить первый опыт методики подобной реконструкции, конфронтативно сравнивая ее с методами традиционной ретроспективной внутренней и внешней реконструкции;

10. на основе принципа разграничения потенциальных и актуализированных инноваций выявить стимулирующие и тормозящие факторы саморазвития языковых систем.

Методологическую базу исследования составили (помимо вышеуказанных работ):

- труды отечественных ученых по общим вопросам языкознания: И.А. Бодуэна де Куртенэ, П.С. Кузнецова, С.Б. Бернштейна, А.А. Реформатского, Л.В. Щербы.

- исследования зарубежных лингвистов в области теории и философии языка: В. фон Гумбольдта, Ф. де Соссюра, В. Брауне, К. Бругмана, Г. Пауля, Г. Брингмана, В. Дресслера, Л. Витгенштейна.

- лингвистические положения системно-структурного характера в работах: А.Н. Аверьянова, Н.Д. Арутюновой, Т.В. Булыгиной, А.А. Воронова, И.Р. Гальперина, В.К. Журавлева, Л.Н. Засориной, А.Т. Ивахненко, Г.А. Климова, Г.В. Колшанского, Е.С. Клычкова.

- разработки в области теории самоорганизации и саморазвития систем: Г. Хакена, С.П. Капицы, Е.Н. Князевой, С. П. Курдюмова, Г.Г. Малинецкого, Ю.А. Данилова, К.Х. Делокарова, И.С. Добронравова, А.Г. Ивахненко, В.И. Аршинова, И.А. Герман, В.А. Пищальниковой.

- достижения российских лингвистов в рамках лингвопрогностики: А.А. Кретьева, Ю.А. Рылова, Т.М. Николаевой, В.М. Алпатова, В.Г. Байкова, О.Л. Гамовой, Л.В. Гарской.

- труды отечественных германистов: Э.А. Макаева, Е.С. Кубряковой, Т.А. Амировой, Б.А. Ильиша, А.И. Смирницкого, М.М. Гухман, В.А. Мигачева.

- работы по славянскому языкознанию: Б.А. Серебренникова, А.М. Селищева, Г.А. Меновщикова, А.С. Мельничука, К.Г. Красухина, А.А. Колесова, К.С. Горбачевича.

Методы исследования вышеуказанного объекта достаточно разнообразны в силу различного характера решаемых задач. В работе комплексно применяются **структурные методы** семасиологического и ономазиологического характера: (моделирование, дистрибуция, валентность, компонентный анализ отдельных языковых единиц, актантная семантика); **методы контрастивного анализа** (выявление типологически алломорфных и изоморфных тенденций), деривационный, морфемный и семный анализ на уровне лексем, **диахронические методы** внутренней и внешней реконструкции, приемы наблюдения, осмысления, языковой научной интуиции и находящиеся в зачаточном состоянии **методы адвентной (или проспективной) реконструкции**. Основным считается использование методик в рамках **лингвосинергетического подхода** к осмыслению языковых явлений.

Научная новизна.

1. Впервые предложен лингвосинергетический анализ механизма и тенденций эволюции языковых систем в диахронии. Проведено компаративное исследование диахронического развития древнеанглийской и современной русской языковых систем с целью выявления изоморфных этапов и тенденций в эволюции двух типологически разных языков.
2. В теоретический арсенал лингвистики вводится понятие адвентной реконструкции, суть которого заключается в реконструкции проспективного развития языка.
3. Разработаны и применены первоначальные приемы синергетического подхода к анализу поведения языковых фактов в системной эволюции.
4. Предложено новое понятие дискретных этапов и перманентных тенденций эволюции языковой системы в диахронии.
5. Выявлены универсальные сходства и различия в направлениях и тенденциях языковой эволюции вне зависимости от типологической принадлежности систем языка.
6. Установлены общие закономерности развития системы языка вне зависимости от хронологического времени.
7. Предложена типологическая схема этапов эволюционного развития систем языков на уровне типологических универсалий.
8. Исследована потенциальная применимость принципа типологической экстраполяции этапов и направлений диахронических тенденций эволюции одной языковой системы на другую.
9. Сделаны предварительные, прогностические выводы о возможных тенденциях проспективного развития русского языка.

Наиболее существенные результаты исследования сформулированы в следующих **основных положениях, выносимых на защиту:**

1. Язык, по своей сути, есть сложнейшее системно-структурное образование, его системность может быть признана как онтологическое и имманентное качество.

Классическую модель языка, представляющую собой уровневое построение, необходимо дополнить функциональным параметром.

2. Язык это самоорганизующаяся, иерархическая система диссипативного типа. Синергетизм является категориальным признаком языка как саморегулирующегося феномена.

3. Основываясь на принципах синергетики структурализм способен выработать собственные, специфические приемы исследования лингвистических объектов; определять изоморфные категории и признаки их поведения в диахронии в рамках языковых систем.

4. Внутриуровневые и межуровневые функциональные связи являются изоморфным признаком языковых систем. Тактические внутриуровневые и межуровневые правила для всех уровней языковой системы идентичны.

5. Уровни языковой структуры, как относительно самостоятельные микросистемы в диахроническом аспекте могут быть классифицированы. Их роль определена по степени активности/пассивности участия в эволюции. От активности/пассивности того или иного уровня, от его роли в процессе саморегуляции системы зависит общее направление нелинейного потенциального развития системы в будущем, после достижения системой точки бифуркации.

6. Анализ синхронных срезов в диахронии языка позволил классикам компаративистики разработать методику ретроспективной реконструкции. Аналогичный анализ только в противоположном направлении, не противоречит разработке методики адвентной реконструкции, и предсказанию основных тенденций и процессов в развитии конкретного языка. В качестве подтверждения выводов проспективной реконструкции языковой системы могут служить униформитарные, типологически выверенные процессы и тенденции эволюции другой языковой системы, оказавшейся в подобной ситуации много веков назад.

7. Признавая саморегуляцию языковой системы, можно проследить также стимулирующие и тормозящие причины ее перманентного, поступательного развития.

8. Современный русский язык переживает процессы морфонологического характера, которые были свойственны германским языкам на древнейшем этапе их развития. Стимулом переструктуризации древнеанглийской морфологии послужил процесс фиксации ударения на корневой, денотативно значимой морфеме, который, по-видимому, произошел еще на уровне общегерманской языковой общности.

9. Исследовав стадии эволюции одной языковой системы (древнеанглийской), при обнаружении сходных тенденций в другом языке (современном русском), предварительно можно констатировать типологический характер этих тенденций, предсказать возможное направление эволюции языковой системы русского языка и определить общие универсальные этапы механизма эволюции любой языковой системы в проспективном плане.

10. Традиционное объяснение морфологических инноваций древнеанглийской диахронии экстралингвистическими факторами (норманнский субстрат) требует

переосмысления с позиций современного языкознания. В качестве одной из основных причин всех изменений должен быть признан синергетический характер саморазвития языковой системы.

11. Любое сложное явление или процесс может быть смоделирован.

Теоретическая значимость исследования. Синергетика как междисциплинарная методология позволяет переосмыслить проблемы развития языковой системы во времени, она выявляет новые грани существования системно-структурной организации языка как на синхронном, так и на диахроническом уровнях, что представляет интерес для дальнейшего развития лингвистики в рамках лингвосинергетического направления. Включение эволюционных процессов развития языковых систем в круг типологических исследований внесет определенный вклад в теоретическое переосмысление многих вопросов диахронии языка. Идея типологической экстраполяции тенденций и механизмов языковой эволюции может быть верифицирована на материале других областей лингвистического знания. Применение новой методики адвентной реконструкции также нуждается в подтверждении на различном лингвистическом материале. Результаты исследования предполагается использовать в теории языка, при коррекции диахронических концепций, а также в лингвоконтрастивном аспекте. Собранный и систематизированный в количественном и качественном отношении материал важен и для лингвопрогностических характеристик современного русского языка.

Практическая значимость исследования. Новые общетеоретические и прикладные выводы могут быть использованы в качестве базовых или проблемных для дальнейших диахронических исследований древних и современных языков, реконструкции их ретроспективной и проспективной (адвентной) реконструкции. Работа имеет прикладное значение и в плане коррекции вузовского преподавания курсов по теории и истории языка, при разработке отдельных частных проблем синергетики и систематологии, и их возможной интеграции с лингвистическими дисциплинами.

Апробация исследования проводилась в виде докладов на международных и российских научных конференциях в университетах Белгорода (1996 - 2006), Запорожья (2002; 2003), Харькова (2003), Воронежа (2004), Москвы (2004; 2005), Северодвинска (2004), Ростова (2005), Курска (2005), Армавира (2005), Волгограда (2005), Ростова-на-Дону (2006). Результаты диссертационного исследования обсуждались на ежегодных научных конференциях и заседаниях кафедры второго иностранного языка Белгородского государственного университета.

По теме диссертации опубликовано 37 работ, общим объемом 75 п.л. из которых две монографии, два словаря, три пособия и 30 научных статей.

Структура работы. Диссертация объемом 350 с. состоит из Введения, четырех глав, Заключения, Приложения (1, 2), Списка литературы.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается выбор темы, дается определение цели и задач исследования, мотивируется его новизна и актуальность, теоретическая и

практическая значимость, перечисляются основные методы и приемы анализа, излагаются основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава диссертации «**Индуктивные и дедуктивные постулаты исследования**» посвящена представлению общих основополагающих положений, на которых базируется настоящее исследование. Предложена подробная таксономика и классификация дедуктивных и индуктивных постулатов исследования. Некоторые из них являются типологическими универсалиями; рассматриваются лишь те, что непосредственно касаются проблематики исследования. Условно они делятся на две части: а) дедуктивные, те, что не требуют особого логического или эмпирического обоснования, т.к. они аксиоматичны по своей сути; б) индуктивные, те, чья доказательность должна быть представлена особо.

К дедуктивным постулатам исследования относятся положения о системно-структурной организации языка, где в синхронном плане язык представляется сложно организованной системой диссипативного типа, а в диахроническом процессе языковая система обладает самодостаточным внутренним потенциалом саморазрушающегося и самовосстанавливающегося характера.

На синхронном срезе любую синергетическую систему отличает состояние относительного равновесия во взаимодействии единиц различных уровней. Оно обеспечивает устойчивость системы, симметрию уровней и уровневых единиц, является предельным случаем стационарно-синхронного состояния. В диахронии система языка способна развиваться за счет внутренних резервов, что лишь в малой степени зависит от экстралингвистических мотивов социального, культурно-этнического и прочих планов. Равновесие языковых единиц в синхронии нарушается минимальными изменениями единиц на каком-либо отдельном системном уровне.

Особого внимания требуют постулаты второй группы. Это те основные положения, на которые ориентируется вся работа и которые необходимо достаточно убедительно обосновать и доказать анализом эмпирического материала:

1. Прослеживая основные тенденции развития языковой структуры во времени от первых письменных памятников до современности, можно с определенной долей вероятности прогнозировать развитие этих тенденций на будущее. Классики сравнительно-исторического языкознания исследовали тенденции развития языка в ретроспективном плане методом внутренней и внешней реконструкции, восстановили отдельные формы, и тексты гипотетического индоевропейского праязыка. Это была т.н. ретроспективная реконструкция. В данном исследовании предлагается проспективная «адвентная» реконструкция. Постулат о возможности адвентной реконструкции впервые в лингвистике был упомянут в монографии В.А. Мигачева [Мигачев 1991]. Считаю выдвигание постулата о возможности адвентной реконструкции актуальным для современной компаративистики, эта идея хорошо «укладывается» в рамки перспективного лингвистического направления –

лингвопрогностики (Воронежская школа проф. А.А.Кретьева [Кретьев 2000; 2003]).

2. Исследование механизма эволюции языковых систем в лингвистике вновь становится актуальным. Главным отечественным апологетом этого направления является Т.М. Николаева [Николаева 1993, 1996, 2003]. В работе [Николаева 1996] представлен анализ основных теорий эволюции языка.

3. Первые шаги адвентной реконструкции должны быть связаны не с прогнозированием развития отдельных форм, а лишь со вскрытием вероятностных *тенденций* перспективной эволюции определенных категорий той или иной языковой системы. Предлагаемый термин *адвентной реконструкции* понимается как необходимость разработки и определения строгой методики и технологии такой процедуры.

4. Синергетизм признается категориальным имманентным признаком языка, поэтому эволюционные тенденции всех синергетических систем вообще и языковых в частности, должны быть типологически универсальны.

5. Признавая типологическую униформитарность тенденций развития языковых систем, можно с достаточной степенью уверенности говорить о возможности *экстраполяции* данных явлений с одной языковой системы на систему другого языка, независимо от их генетической общности и временных параметров.

6. Не всякие инновации ассимилируются системой. Эти, семантически пустые, ничего не маркирующие кинемы-пустышки не вызвали нарушения равновесия системы. Они могут быть определены как потенциальные, но не актуализированные.

Вторая глава исследования - «**Синергетическое представление лингвистической проблематики**» посвящена изучению языка с позиций лингвосинергетики. Системно-структурная организация мира представляет возможным анализировать различные явления в рамках новейшей научной парадигмы – синергетики, науки, которая приобретает статус междисциплинарной методологии. Эмпирический материал, как объект исследования лингвистов, принципиально тот же со времен Аристотеля; меняются и совершенствуются лишь методология, методы, исследовательский подход к этому материалу, и, следовательно, изменяется его статус и научное осмысление.

Синергетика исследует особо сложные процессы и объекты с точки зрения проявлений самоорганизации. Она предлагает новую модель мира, ориентирована на междисциплинарный подход и инициирует глубокие изменения в методологических основаниях современной науки. Методы нелинейной динамики, ныне активно разрабатываемые философами - синергетиками для изучения сложных систем и процессов, таких как эволюция, самоорганизация, диссипативные структуры и динамический хаос, пространство и время должны применяться и в лингвистике. Синергетика изучает механизмы темпоральной и структурной локализации эволюционных процессов и поведения структурных объектов в этих процессах. Любая система воспринимается не как нечто стационарное и стабильное, но как процесс в открытых нелинейных средах. С синергетической точки зрения, у языковой

системы всегда есть возможность выбора пути эволюции в будущем из многих вариантов в пунктах бифуркации. Нелинейный подход к лингвистическим объектам в диахронии (в рамках универсального эволюционизма) предлагает варианты саморазвития языковой системы после достижения точек бифуркации, актуализация которых возможна, но не обязательна.

В разделе II.2 описаны основные параметры и категории лингвосинергетического анализа. Язык по своей сути является сложной саморазвивающейся системой со своеобразной, самодостаточной структурой [Бондаренко 1996-2006]. Признание системности языка принципиально в любом лингвистическом исследовании. В языковой системе есть особое качество – внутренняя сила самосовершенствования через саморазрушение и самовосстановление. Общефилософская теория самоорганизации сложных систем может быть применена в языкознании, ибо «синергетика ныне выступает ядерным элементом, на основе которого происходит синтез целого в самоорганизующихся системах любой природы» [Поддубный 1999]. Диахроническая лингвосинергетика исследует имманентные, консекутивно-каузальные связи и отношения, определяющие поведение языковых систем в процессе эволюции на определенных отрезках временной оси.

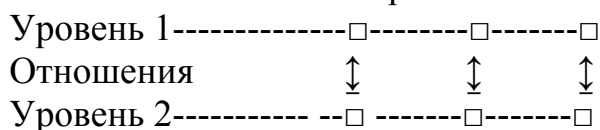
В качестве основных логических требований для лингвосинергетики могут быть определены следующие: а) отсутствие в ней логических противоречий; б) преемственность новых и старых представлений об объекте; в) согласованность с эмпирическим материалом, г) способность предсказать новые явления и их судьбу в диахронии; д) целостность и законченность толкования определенного круга задач; е) относительная стабильность и органическая взаимосвязь всех элементов концепции; ё) состояние, при котором изменение одного элемента может спровоцировать целую цепь инноваций внутри всей языковой системы; ж) координация с общенаучными и философскими системами взглядов. Такой подход дает возможность рассмотреть старые проблемы в новом свете, переконструировать проблемное поле диахронической лингвистики, выявить эвристическое значение синергетической модели эволюции и самоорганизации сложных систем в рамках эпистемологических исследований.

Синергетический подход к исследованию системы и структуры языка в диахронии имеет множество преимуществ, т.к. этот анализ: 1) обладает типологической универсальностью, он адекватен для описания систем любых естественных языков на современном уровне развития лингвистики и может быть использован также для построения искусственных языковых систем; 2) не противоречив по отношению к существующим традиционным теориям дескрипции естественных языков; 3) базируется на общепринятых в лингвистике основных положениях и является их естественным развитием в рамках современных науковедческих теорий и направлений; 4) достаточно прост, динамичен и обладает необходимой операциональностью; 5) открыт в отношении потенциальных возможностей дальнейшего развития и совершенствования; 6) позволяет, учитывая его типологическую униформитарность, предположить возможность *транспонирования*

диахронических тенденций эволюции одной системы языка на другую, т.е. признание типологии системных компаративных исследований в диахронии.

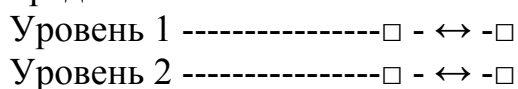
В разделе II.5 рассматривается проблема моделирования сложных систем и понятие изоморфизма. Изоморфизм предлагается в качестве системообразующего фактора. Лингвистический изоморфизм (процессуальная аналогичность) как в синхронии, так и в диахронии основывается на принципе униформитарности. Положение о том, что в модели иерархически организованной системы, где каждая единица состоит из единиц нижележащих уровней и является в свою очередь «строительным материалом» для единиц уровня, расположенного выше, основано на признании т.н. конститутивных отношений в качестве базовых. Это первый изоморфный признак любой лингвистической системы, т.к. межуровневые отношения между единицами однотипны: отношения между меризмом и фонемой, фонемой и морфемой и т.д. теоретически идентичны.

Конститутивные межуровневые отношения как изоморфный признак схематически можно отразить так:

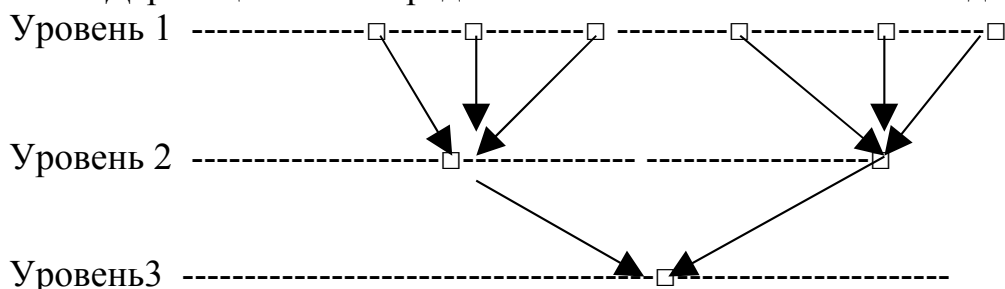
Внутриуровневые синтагматические отношения между единицами также изоморфны: дистрибуция меризмов внутри меризматического уровня представляется принципиально аналогичной дистрибуции фонем внутри фонемного уровня, дистрибуции морфем в рамках морфемного, лексем внутри лексемного, фразем во фраземном, и логем в логемном уровнях. Правила внутриуровневого поведения единиц любого уровня также изоморфно структурированы и детерминированы семантикой единицы вышележащего уровня, они идентичны и типологически универсальны. Это один из основных признаков языкового системного изоморфизма.

Внутриуровневые дистрибутивные отношения можно схематически представить так:

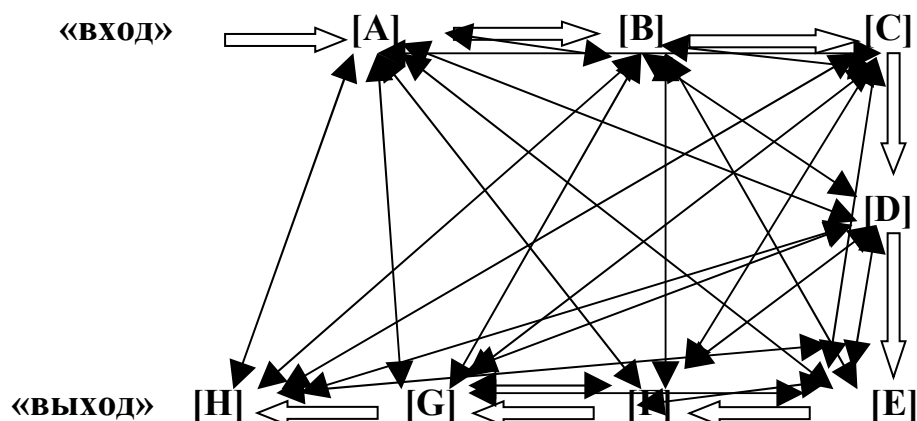

Валентность единиц нижележащего уровня, их сочетательная способность, правила их размещения внутри единицы вышележащего уровня при ее построении - деривационный признак. Это уровневые тактики: меризмо-, фоно-, морфо-, лексо-, фразо-, лого- тактики.

Деривационные парадигматические отношения выглядят так:

Четвертый пункт изоморфных характеристик: композиционная недостаточность стратификационной модели - её неспособность отразить сложную картину функциональной взаимообусловленности уровней. Необходимо противопоставить статичной и афункциональной «этажерке» уровней инновационное представление о модели языковой системы как функционально значимой сущности. Этот вариант отличается своей функциональностью и динамичностью:

Так, в общем виде, может быть синхронно представлена функционирующая модель языковой системы, где [A,B,C,D,E,F,G,H] являются схематическим отображением определенных структурных подсистем (уровней), входящих вместе со своими единицами и внутриуровневыми тактическими алгоритмами сегментной организации в общезыковую систему. Они соответствуют: [A] – подсистема меризмов (меризматический уровень). [B] – подсистема фонем и их аллофонов – позиционных вариантов. Это фонологический уровень. [C] – подсистема морфем и алломорфов. Это морфологический уровень. [D] – подсистема лексем и аллолексов – синонимический ряд с единым прототипическим значением. Это лексический уровень. [E] – подсистема фразем и аллофразов с единой пропозицией значения, т.е. варианты высказывания с одинаковым прагматическим содержанием. Это фраземный уровень. [F] – подсистема логем и аллологов – общепонятные примеры. Это логемный уровень – уровень текста. [G] – подсистема просодем. Это эмотивно-просодический уровень суперсегментных единиц. [H] – подсистема прагматики, зависимость от коммуникативной установки, ситуации и интенций адресанта, его расчетной перлокуции и пресуппозиции адресата. Это прагматический уровень.

Вычленение двух последних подсистем [G] и [H] может быть признано спорным, т.к. они могут классифицироваться как элементы речи, а не структуры языка, их можно отнести к т.н. «модулям», элементам прагматической подсистемы. Представляется необходимым включать просодические и прагматические единицы как системные элементы в систему языка, т.к. они и в системном отношении всегда функционально значимы: (грамматически: трубы́ - тру́бы, воды́ - во́ды, сне́га - снегá; лексически: му́ка - мука́; или стилистически:

снега, но «Идут белые снеги». Оппозиция англ. «récord – to recórd, fórecast – to forecást» функционально значима лексически и грамматически.

В вышеприведенной модели структурная составляющая схематически представлена в квадратных скобках, а стрелками (↕) отражены различные типы изоморфных межуровневых и внутриуровневых связей и отношений между подсистемами и их единицами. При этом, «выход» одной подсистемы является одновременно «входом» подсистемы следующей. Детерминация двух близлежащих уровней очевидна: одни единицы обмениваются функциональным значением с другими.

Межуровневая функциональная обусловленность связей вызывает сдвиги системного равновесия, обеспечивая перманентное развитие системы. Стрелки на схеме модели отражают эти связи и замыкают т.н. обратные отношения: состояние, когда какая-то часть “выхода” предыдущего уровня системы замыкается на “входе” подсистемы следующей и суммируется с ней. Возникающее при этом активное взаимодействие усиливает “вход” и может усилить функцию уровня ниже или выше в случае необходимости этой связи для системы. Эти выводы подвели к формулировке важного признака лингвистической системы: *правила поведения единиц любого уровня в конститутивном, синтагматическом и деривационном отношениях идентичны. Они имманентно свойственны любой языковой системе и типологически универсальны.* Это один из основных признаков языкового системного изоморфизма. Именно основные признаки изоморфизма позволяют считать его одним из базовых системообразующих и саморазвивающих факторов любой языковой системы. А это в синергетическом плане прямо ведет к признанию его типологической универсальности.

Раздел II.6 посвящен анализу поведения языковой системы в диахронии. Система языка есть скрытая реальность, которая находится в сознании человека и дана ему эмпирически. Это абстрактная решетка отношений структурных компонентов и тактических правил-алгоритмов, приобретенная носителем языка через речь в процессе длительного контактирования в коллективе себе подобных. Структура языка объединяет в себе весь арсенал системно организованных лингвистических единиц разных уровней плюс алгоритмы внутриуровневых отношений между ними (тактические правила). Система, в свою очередь, это некое множество разнородных структурных элементов, объединенных *изоморфными* связями и выполняющих единую, целостную функцию. Таким образом, *система – это структура плюс функция.* Любая сложная система может анализироваться с трех точек зрения: 1) относительно арсенала элементов; распределения этих элементов по подсистемам (по уровням), внутриуровневой организации языковых единиц (алгоритмы, тактические, валентные и дистрибутивные правила синтагматики и парадигматики), самодостаточной самоорганизации внутренних отношений между разноуровневыми элементами (межуровневые функциональные связи); 2) относительно ее внешних связей, взаимодействия с другими системами, т.е. в рамках сверх- и гипер- систем; 3) моделирование самих процессов

диахронического саморазвития вновь возникающих, новых свойств системы, которые имманентно уже заключены в синхронном состоянии.

Исходя из целей и задач настоящего исследования пункты 1) и 3) важны, но в двух параметрах: синхронном и диахроническом. Первый параметр предполагает анализ внутренней системной организации элементов языковой структуры вне времени. Второй параметр – динамико-поведенческий – касается проблем самосовершенствования языковой системы в диахронии, ее способности к саморегуляции, благодаря внутренним функциональным связям (лингвосинергетика), а так же проблем прогресса в языке (лингвопрогностика). Самоорганизованность можно рассматривать как в отношении всей системы в целом, так и относительно ее отдельных уровневых подсистем. Она может быть представлена как сложная функция от более простых характеристик системы: её состава, ее структуры и свойств. Наиболее важной составляющей организованности является наличие определенных внутрисистемных изоморфных, функциональных взаимосвязей, благодаря которым языковая структура превращается в систему. Данные связи обеспечивают функциональность языка, что свидетельствует о типологическом характере изоморфизма этих отношений. Эти связи и типологические, универсальные особенности изоморфизма внутрисистемных отношений могут являться объектом и предметом диахронической лингвосинергетики.

Диахронический подход к исследованию языка является одним из основных методологических принципов в языкознании и предполагает избирательное или комплексное применение различных методов и методик, зависящее от конкретных задач и целей исследования, что обеспечивает глубокое понимание сущности природы языка, его функционирования и развития [Мельничук 1988]. Представленная выше в виде типологической модели абстрактная система языка позволяет осмыслить совокупность языковых норм, этапов и правил, общих для анализа сложной, постоянно саморазвивающейся во времени конкретной системы. Эти процессы осмысливаются как синергетическое саморазвитие внутренней структуры языка. Анализ эмпирического материала показывает, что основным в исследовании языковой эволюции является вывод: любое минимальное изменение на одном из уровней системы может вызвать цепную реакцию появления инноваций на всех детерминированных уровнях, что, в конечном счете, ведет к нарушению предыдущего равновесия всей системы.

Прогнозирование эволюции языковой системы возможно лишь при наличии объемной информации об устройстве и функционировании этой системы в прошлом. Выдвижение гипотез о предполагаемом варианте эволюции или о приближении точки бифуркации должно опираться на знание основных тенденций и закономерностей, зафиксированных в обобщенной форме в основных тенденциях предшествующего развития, свойственных или конкретной языковой системе или их типологической универсальности. Важно подчеркнуть, что «механизм формирования гипотез и их верификация на реальной эмпирии должны играть центральную роль» [Воронина 2000].

Все системные явления в диахронии однозначно детерминированы порождающими их причинами. Существует два рода причин, управляющих

поведением систем: естественные, внутренние, регулярные и внешние, случайные (социальные, географические, этнические, культурные и т.д.) Первые из них - системные, вторые – антропогенные. И их роль в осуществлении и направлении самого процесса в диахронии различна. Может оказаться, что доминирующее значение будет принадлежать только причинам - системным, при этом случайные причины не окажут существенного влияния. Но возможна ситуация, когда воздействие случайных причин настолько велико, что его нельзя признать несущественным. Они могут влиять на течение процесса и затрагивать все уровни языковой системы. Но в языке постоянно происходят процессы, которые никак не поддаются контролю со стороны носителей языка. Это системные, глубинные явления, обусловленные законами развития внутренних, латентных тенденций саморазвития самой системы. Они актуализируются в результате многократно повторяющихся речевых актов в коллективе говорящих, ибо «язык существует и развивается не в бумажных схемах, парадигмах, предписаниях литературных норм, но в речевой деятельности и в сознании членов общества» [Мельничук 1988].

Третья глава исследования: «**Морфологические инновации в системе древнеанглийского имени и основные причины этих изменений**» содержит анализ древне- и раннесреднеанглийского эмпирического материала.

На определенном этапе своего развития (IX—XIII вв.) морфологическая система английского языка претерпела коренные изменения. Древнеанглийская (дра.) флективная структура языка с разветвленной системой склонения и спряжения постепенно стала изменяться. Этот период в истории английского языка на стыке между позднедревнеанглийским (пдра.) и раннесреднеанглийским (рсра.) был временем масштабных изменений во всех структурах морфологической системы английского языка. Именно тогда флективная система дра. языка начала перестраиваться, утрачивая значительную часть флексий как маркеров, а вместе с ними и служебных грамматических категорий. Структурно-системная организация дра. языка продолжала индоевропейскую традицию полисемантизма: одна флексия была одновременно показателем комплекса грамматических категорий. В дра. системе имени начинают постепенно исчезать служебные морфологические категории рода сущ. и прил., вся система падежей (от 5 в дра. до Ø в сра.)

Подобная эволюция дра. системы с типологической точки зрения характеризовалась следующими этапами: а) вместе с маркером исчезает грамматическая категория (если она носит служебный или формальный характер); б) система языка находит новые средства выражения грамматического значения (при объективном характере категории); в) система языка пытается противостоять разрушительному действию фонологических процессов (морфонологическое взаимодействие единиц разных уровней).

В ряде исследований вопрос о причинах столь радикальных изменений в морфологической системе английского языка на рубеже между дра. и сра. традиционно рассматривался с экстралингвистической точки зрения: скандинавские влияния, субстрат языка норманнов. Большинство лингвистов отрицают возможность активного взаимовлияния языковых систем на

морфологическом уровне: одни признают это а *limine*, другие открыто подтверждают это как диахроническую универсалию типологическими и частными исследованиями. Существует множество исследований, посвященных заимствованиям в английском языке на разных этапах его развития, но ни в одном из них не упоминаются заимствования на морфологическом уровне. В работе «Наследство викингов» приводятся многочисленные примеры скандинавских заимствований на уровне бытовой лексики, топонимики и ономастики; но возможность морфологических влияний вообще не упоминается [Geipel 1971]. В исследовании «Иностранное влияние на среднеанглийский язык» уровень грамматики вообще не рассматривается [Price 1947]. Объемные работы «Древнеанглийский язык. Изучение древне- и среднеанглийского периодов» [Clank 1961] и «Возникновение и развитие английского языка» [Pyles 1971] также не отступают от этой традиции. Это было ясно многим еще в начале века: «я не знаю ни одного случая, который бы показывал радикальные модификации морфологических категорий языка вследствие влияния другого языка» [Boas 1911, 45]. Ниже приводятся примеры того, как осторожно к этой проблеме подходят авторы работ по теории контактов родственных и генетически различных языковых систем в исследованиях по ареальной лингвистике и языковой типологии. К. Бруннер прямо указывает на трудность и невозможность проверки достоверности степени скандинавских влияний на развитие морфологической системы дра. Общая тенденция к отпадению падежных окончаний, замечает он, «возможно», была обусловлена этим влиянием, но доказать скандинавские влияния на общую тенденцию упрощения всего морфологического строя английского языка невозможно [Бруннер 1955]. К. Льюик также весьма осторожен при определении причин морфологического упрощения системы да. Говоря о скандинавских влияниях, он указывает на то, что скандинавы, стремясь к взаимопониманию с англосаксами, даже в области Датского Права редко пользовались родными скандинавскими диалектами. В результате смешанных браков у потомков были англосаксонские матери, которые, учили детей родному языку и только в случае необходимости - языку отцов, которым сами не владели. Этим он подчеркивает проблематичность влияния скандинавских говоров на развитие дра. При этом, К. Льюик окончательно не отвергает возможности скандинавских влияний на фонологическом и лексическом уровнях [Luick 1914]. Эта же мысль в гипотетической трактовке проведена в работе В. Лемана, который, рассуждая о характере контактов между англосаксами и скандинавами, указывает на «малонадежность» подобного предположения: «we can only speculate whether or not it was furthered by the contact between the two linguistic groups». И даже говоря о заимствованиях лексики на бытовом уровне, В. Леман не рискует категорически утверждать о факте заимствований, т.к. эти слова могут восходить в обоих языках к праязыковой, общегерманской или даже индоевропейской общности [Lehmann 1962]. Р. Лэсс подчеркивает отсутствие надёжных фактов о языковом контактировании скандинавов с англосаксами [Lass 1987, 53].

Представление этой проблемы с точки зрения типологии взаимовлияний при языковом контактировании требуют переосмысления с позиций

современного языкознания. Языковые контакты являются одним из важных факторов, способствующих образованию в языке определенных инноваций. Однако, наиболее открытым в этом отношении является лексемный уровень, далее, по нисходящей следуют уровни фонологический, фраземный (синтаксис), и практически закрытой подсистемой является уровень морфологический [Sapir 1921; Havers 1931 и др.] Вопрос о проницаемости морфологических систем являлся предметом обсуждения на международных лингвистических симпозиумах 1939г. (Брюссель), 1948 г. (Париж), 1952г. (Лондон). Большинство ученых высказывалось в пользу мнения о невозможности межъязыковых влияний на морфологическом уровне [Мейе 1952]. Совершенно однозначно по этому поводу говорил Э. Сэпир: «мы не находим нигде морфологического взаимовлияния, кроме чисто поверхностных, спорных случаев» [Sapir 1921].

В разделе III.5 предлагается небольшой экстралингвистический материал - экскурс в древнеанглийскую историю того периода для того, чтобы показать, на фоне каких исторических событий и при каких условиях происходило контактирование англосаксов со скандинавами. Этот материал не является собственно исследовательским, но на него необходимо обратить внимание, т.к. он эксплицитно подтверждает ненадежность экстралингвистического подхода к проблематике.

Наиболее близким для нас является основное положение теории конца слова в германских языках Э. Макаева: это «фокус взаимодействия фонетических и морфологических процессов» [Макаев 1977]. Их направления развития могут не совпадать, так как системные морфологические тенденции цементируют и выравнивают парадигмы собственными средствами, а это есть не что иное, как нарушение действия фонетических факторов. Далее следует очень важный вывод автора, поставивший его во главу морфонологического направления в германистике: «с функциональной точки зрения это означает лишь переключение развития данного явления на другой уровень, где действуют уже другие факторы, требующие объяснения в рамках именно данного уровня» [Макаев 1977]. Поэтому рассмотрение явлений конца слова только под фонетическим углом зрения, как это делают фонологи, неоправдано. Суть проблемы не в подходе «сверху» - от морфологии или «снизу» - от фонологии, а в комплексном рассмотрении функционального взаимодействия языковых единиц в рамках единого системного, изоморфно организованного, типологического процесса.

Проблема требует более современного осмысления и нового исследования материала, но уже с позиций иной методологической концепции, а именно синергетической. В качестве основной причины морфологических инноваций в данном исследовании рассматриваются не контакты, субстраты и адстраты, а саморазвитие самой системы языка. Среди первопричин системных трансформаций следует отметить общегерманскую тенденцию к фиксации ударения на начальных, корневых морфемах слова. Подчеркиваем факт зависимости инноваций от характера ударения. Известно, что на определенном этапе развития германские языки характеризовались разноместностью ударения в деривации и парадигматике имени (аналогично ситуации в современном русском

языке), что вызывало накопление фактов некоторого отклонения системы от состояния равновесия. Самозащитным шагом собственного равновесия явилась ярко выраженная тенденция к фиксации ударения на корневой, денотативно значимой морфеме слова. Вокализм конца слова, оказавшись в безударной позиции, косвенно подвергался различным модификационным процессам (ослабление, редуцирование и синкопирование) флексии, которая в древнеанглийском языке, как и во всех германских языках, была основным маркером грамматических категорий. Этот фонологический процесс привел к утрате флексий (Хаос на фоно-, морфо-, семантическом уровне). И как следствие - к утрате ряда морфологических категорий.

Для верификации вышепредставленных теоретических положений, было исследовано поведение грамматических категорий рода и падежа имён сущ. и прил., которые достаточно однозначно маркировались флексией в дра. памятниках IX в. и практически были элиминированы в сра. рукописях XII-XIII веков. Материалом исследования являлись рсра. списки дра. рукописи «Заповеди Альфреда» (IX век). Этот памятник является уникальным явлением в истории английского языка: он сохранился в 4 вариантах, списанных с несохранившегося первоисточника в разное время. Копии были сделаны разными переписчиками. Все рукописи датированы и опубликованы в работе О. Арнгарта «Proverbs of Alfred». Варианты рукописи по традиции условно именованы по названию мест хранения - (T), (J), (M), (C):

(T) Trinity College, Cambridge. Эта копия была сделана во второй половине XIII века. В данном варианте переписчиком допущены незначительные ошибки и встречаются факты непонимания некоторых мест оригинала. Это обстоятельство подтверждается целым рядом лингвистических особенностей: смешение дра. и сра. характерных черт языка, непоследовательность в орфографии (путаница в написании *ƿ* и *d*, или *ƿ* и *ḍ*). Переписчик часто использует рунический знак [w], который в то время был известен лишь на континенте. Вариант содержит 37 секций, 668 строк.

(J) Jesus College, Oxford. Список сделан вскоре после 1276 года, об этом свидетельствуют экстралингвистические факты. В нем практически нет ошибок и исправлений. Текст содержит 23 секции, 456 строк.

(M) Maidstone Museum, Kent. Копия первой половины XIII века. В тексте много ошибок и исправлений. В нем 17 секций, 266 строк.

(C) Cotton Galba. Список сделан в первой половине XIII века. Большая часть рукописи сгорела в 1731 году при пожаре Cottonian Fire. Удалось восстановить лишь отдельные отрывки. В этом варианте сохранена древнеанглийская орфография, в нем около 100 строк.

История вариантов, их диалектная «привязка», сами тексты вариантов представлены в работе О. Арнгарта [Arngart 1955].

Все списки сделаны в пределах одного столетия, но структурно они очень разнятся. Наиболее четкие различия прослеживаются при сравнении вариантов (J) и (T). Первый из них сохраняет наиболее древние, да. флективные формы. Вторым же представляет уже рсра. морфологию. Переписчик пытался «осовременить» древний материал: отражены инновации - отсутствие флексий,

зачатки аналитических форм и проч. Варианты (С) и (М) используются частично из-за их фрагментарности и ненадежности материала. Вывод нашего анализа: вариант (J) полно сохраняет элементы системы дра., тогда как (Т) содержит многочисленные инновационные формы сра.

Одна особенность памятника представляет интерес: германистам хорошо известны морфологические особенности дра. и сра., но тот процесс, который имел место в «черном ящике» системы языка в течении 400 лет, должен проявиться при сравнении эмпирии списка (J) как самого аутентичного и списка (Т) как более модернизированного. (J) предоставляет дра. материал «на входе», (Т) – сра. «на выходе». Следовательно, реконструкция и моделирование промежуточного процесса возможна. Разница эта не временная, но структурная. Именно с этой точки зрения следует подходить к вопросу: *When did the Middle English begin?* Материал исследования был ограничен анализом грамматических категорий дра. имени осознанно, т.к. именно она была подвергнута наибольшим изменениям в период от дра. к сра.

Лингвистический материал рукописей представлен двумя видами анализа: построчное сравнение строк двух вариантов и сравнение способов выражения грамматических категорий рода, числа и падежа в системе имени.

Считаем важным представить построчный разбор двух вариантов памятника дра. литературы, чтобы детально, в качестве образца, выявить все случаи сохранения древнеанглийских флексий и оборотов. Строки пронумерованы для удобства их нахождения и сравнения.

1. *Seuorde (J), Siforde (T)*: Оба варианта «Заповедей Альфреда» начинаются с указания места, где происходят описываемые далее события. Возможно, это географическое название можно ассоциировать с городом Seaford в графстве Кент на юге Англии. Некоторые исследователи предполагают местечко Shefford в графстве Berkshire. Но, анализируя древнеанглийские варианты этих двух названий и их способность к аллитерации, мы пришли к следующим выводам: Seaford < О.Е. *Sæford “ford by the sea”; Shefford < О.Е. *Scēapford “sheep ford”. С нашей точки зрения, аутентичным вариантом написания является название, предложенное в рукописи (J). Это подтверждается и правилами: в *Seuorde* и *sete(n)* (встречается дальше) основой аллитерации выступает *s*. В соответствии с законами германского аллитерационного стихосложения *sk (sc)* может аллитерироваться только с *sk (sc)*, но не с *s*. Это правило подтверждается всем текстом «Заповедей Альфреда». Поэтому, географическое название начиналось с *S-*, а не с *Sc-* и современное местечко Shefford отпадает.

8. of *Bare lawe swiþe wis (J) of þe lawe siuþe wis (T)*: Восьмая строка наглядно показывает, как шло саморазвитие языка. Рукопись (J) сохраняет да. форму указательного местоимения *Bare*, по которой ещё можно определить род, число, падеж имени (ж.р., ед.ч., дат.п.). Позднее такие местоимения будут все больше выполнять функции артикля и потеряют свои категориальные значения. В (Т) отмечена единая форма *þe*, индеферентная к морфокатегориям.

24. *þat wes englelonde on (J) þad was in engelonde on (T)*: При сравнении этих строк очевиден факт непонимания са. переписчиком текста да. рукописи (Т). В

(J) предлог *on* поставлен в постпозиции к имени, к которому он относится. Поэтический материал показывает, что данное явление имело широкое распространение: здесь переписчик не понял конструкцию и вставил еще один предлог *in*.

32. *wrþsipes welde (J) wrsipe weldin (T)*: (J) имеет флективную форму существительного *wrþsipes* (ед.ч., род п.) < О.Е. *weorþscipe* (честь). Глагол *welde* (J), *weldin* (T) < О.Е. *wealdan* (владеть, контролировать) по правилам дра. грамматики управляет род.п., что и отмечено в (J) и т.д.

В ходе построчного анализа выявлялись факты не только выравнивания и синкопы флексий в переходный период от дра. к сра. языку, но также и процессы происходившие с другими структурными единицами языка.

В разделе **III.10** представлен второй вид анализа материала, ориентированный на выяснение способов выражения категориальных значений в системе имени (сущ., прилаг., мест., артикль). Известно, что в дра. морфологии грамматические категории имени могли выражаться приименными морфемами, или другими актантами, согласующимися с ним в роде, числе и падеже (т.н. склонение по основам). При анализе системы дра. склонения и ее упрощенного варианта в сра., показателен процесс элиминирования этих служебных категорий.

В дра. языке склонение имени имело достаточно четко маркированную флексией парадигму. В процессе переориентации системы склонения с опорой на основы, на систему иного плана, упрощение флексии достигло уровня формальной нейтрализации падежных оппозиций, что привело к широкому распространению предложных аналитических конструкций.

В древнеанглийском языке имя характеризовалось категориями: рода, числа и падежа. Все существительные дра. языка формально относились к определенному роду и разнообразие именной парадигматики было обусловлено этим обстоятельством. Являясь одной из важнейших грамматических характеристик слова, категория рода в именительном падеже не имела формального выражения (ср. дра. *fisc* «рыба» – муж.р.; *child* «дитя» – ср.р.; *dohtor* «дочь» – ж.р.) Самая большая группа включала в себя существительные мужского и среднего рода. Падежные флексии в дра., как и типы склонения различались и по основам, но определялись по роду (а-, ја-, wa-, о-типы и т.д.)

Ниже предлагается второй вид анализа лингвистического материала, где в таблицах показаны различия в способах выражения грамматических категорий рода, числа и падежа в системе древнеанглийского имени.

Существительные, у которых род в дра. выражался формой указат. местоим.:

J 85 <i>þat lond</i> «земля» <i>þat</i> (да. <i>Se</i> указат. мест.) ср. р., ед. ч., им. п. <i>Lond</i> (да. <i>Land</i> земля) ср. р., ед. ч., им. п.	T 85 <i>þe lon(d)</i> <i>þe</i> – нейтральная инновационная форма опр. артикля.
J 165 <i>þene tyme</i> «время» <i>þene</i> (да. <i>Se</i> указ. мест.) м. р., ед. ч., вин. п. <i>Tyme</i> (да. <i>Tīma</i> время) м. р., ед. ч., вин. п.	T 165 <i>þe time</i> <i>þe</i> – нейтральная инновационная форма опр. артикля.

Существительные, у которых род в дра. выражался формой прилагательного:

J 435 vuelne red «плохой совет» Vuelne (да. yfel плохой) Прилаг., м. р., ед. ч., вин. п., Red (да. Ræd совет) м. р., ед. ч., вин. п.	T 435 yuel reid yuel – инновационная утрата флексии сильного склонения, категория рода не маркирована.
J 81 to his owere dure «к его собственной двери» owere (да. agen собственный) Прилаг., ж. р., ед. ч., дат. п., dure (да. duru дверь) ж. р., ед.ч., дат.п.	T 81 to his oge dure oge – инновационная утрата флексии сильного склонения, категория рода не маркирована.

Существительные, у которых род в дра. определялся по форме притяжательного или личного местоимения:

J 296 ne may heo hi no-with welde «не может она его (язык – ж.р.) контролировать» heo (да. Нео она) личн. мест., ж.р., ед. ч. им. п., 3л. hi (да. Нео она) личн. мест., ж.р., ед.ч. вин. п., 3л., соотносится с сущ. tunge (язык) ж.р., ед.ч., вин. п.	T 296 ne mai he it nowit welden he – инновационная орфография личн. мест. ж.р., ед.ч. it – инновационная замена рода по признаку «одушев.\неодушев.»
J 230 hit schal wende par-to «оно (дитя – ср. р.) будет поворачиваться (да. hit оно) л. м., ср.р., ед. ч., им. п., 3л. соотносится с сущ. child ср.р.	T 230 he sal wende per-to Замена личн. мест. hit ср.р. на личн. мест. he м.р. по признаку «одушев.\неодушев.»

В южных диалектах процесс элиминирования этой категории проходил несколько медленнее: ее следы еще можно обнаружить по аналитическим формам, но к сра. периоду будут утрачены и они. Сра. практически уже не имеет формальных маркеров грамматической категории рода.

Категория падежа в дра. языке представлена в варианте (J). Список (T) регулярно демонстрирует картину уже сра. парадигматики: 5 падежная система становится 2 падежной. Учитывая, что английский родительный не является падежом как таковым: флексия –es маркирует категорию «притяжательность», можно говорить об исчезновении падежной категории как таковой.

Существительные, у которых падеж выражался формой прилагательного:

J 81 to his owere dure «к его собственной двери» Owere (да. agen собственный) прилаг., ж.р., ед.ч., дат.п. Dure (да. duru дверь) сущ., ж.р., ед.ч., дат.п.	T 81 to his oge dure oge – инновационная утрата флексии прилаг. сильного склонения.
--	--

J 329 swikelne muþ «лживый рот» Swikelne (да. swicol лживый) прилаг., м.р., ед.ч., вин.п. Muþ (да. mūþ rot) сущ., м.р., ед.ч., вин.п.	T 329 fikil moð fikil – инновационная утрата флексии прилаг. сильного склонения.
---	---

Существительные, у которых падеж выражалась формой артикля:

J 93 Þes knyhtes lawe «рыцаря правило» Þes (да. Þe опр. артикль) опр. артикль, м.\ср.р., ед.ч., род.п. Knyhtes (да. sniht рыцарь) сущ., м.\ср.р., ед.ч., род.п.	T 93 Þe cnichtes laǵe Þe – индифферентная, инновационная форма опр. артикля.
J 83 Þan knyhte «рыцарю» Þan (да. Þe опр. артикль) опр. артикль, м.р., ед.ч., дат.п. Knyhte (да. sniht рыцарь) сущ., м.р., ед.ч., дат.п.	T 83 Þe cnith Þe – индифферентная инновационная форма опр. артикля. cnith – отсутствует флексия –e, как показаткль дат.п. Инновационная утрата флексии.

Таким образом, в таблицах на примере грамматических категорий имени показан процесс переструктуризации дра. флективной системы. Причины этих инноваций не могут быть осмыслены вне общих морфонологических процессов дра. системы при переходе ее в новое качество. Фонология была активна: результат – ослабление флексии как маркера категорий. Флексия как показатель грамматической категории исчезает. Процесс постепенного размывания некогда четких функций привел к нарушению равновесия в морфологической подсистеме. Растущее количество фонологических инноваций приближает систему дра. языка к хаотическому состоянию, близкому к моменту бифуркации. Это момент выбора аттрактивного пути саморазвития системы. Морфология обязана быть активной: самоустраняя хаотические накопления полисемантических, т.е. афункциональных флексий, она вынуждена или воссоздать старый равновесный Порядок, элиминируя фонологические новшества, или установить новое равновесие путём поиска новых маркеров, наделяя фонологические новшества своими функциями или переходя к аналитическим конструкциям. Так исчезают категории рода и существенно упрощаются показатели категории падежа и числа. К XIII веку в системе наступает время затухания процессов саморазвития и создается новое состояние относительного равновесия. Этот период следует считать условной границей между древнеанглийским и среднеанглийским языком.

Аналогичному анализу, в **разделах III.11, III.12, III.13** была подвергнута система грамматических категорий имени прилагательного, местоимений и зарождающейся категории артикля.

Весь материал III главы доказывает, что причины всех структурных инноваций, имевших место в системе имени в период между да. и са. периодами следует искать в потенциях самой системы языка. Это положение, очевидное

после современного синергетического анализа структуры и системы дра. и сра. периодов английского языка подтверждается результатами типологического анализа возможностей языковых контактов на морфологическом уровне, о котором речь шла выше. Важным остается вопрос о причинах первоначальных изменений и о том уровне, на котором было первоначально нарушено системное равновесие. Процесс был изначально фонеморфологическим, т.к. являлся результатом системного взаимодействия двух уровней активной фонологии и пассивной морфологии (второй фактор изоморфизма), что привело к кардинальным изменениям в самой системе дра. имени. Исчезла категория рода, возникли аналитические формы. Аналогичный процесс (как общую тенденцию подобной эволюции в зачаточном состоянии) можно наблюдать во всех древних западно- и северогерманских языках.

Анализ эмпирии позволяет судить о хронологическом размещении этого процесса в английской диахронии: нарушение внутрисистемного равновесия отчетливо прослеживается в позднем древнеанглийском языке. Количественное уменьшение формальных маркеров морфологической структуры в результате их редукции привело к качественному расшатыванию системы парадигматики: появление новых алломорфов влечет за собой нарушение системного равновесия. Саморегулируясь, система должна выбрать функционально новые средства маркирования своих значений. Фонетические процессы приводят к результатам, которые реализуются уже на новом уровне развития - морфонологическом. Вступают в силу морфонологические законы системного изоморфизма. Фонология активна, она доминирует в этом процессе взаимодействия. Морфонологические явления труднопредсказуемы. Они индивидуальны, т.к. могут реализоваться только благодаря определенным факторам и условиям, им сопутствующим. Этапы саморазвития есть прерогатива внутрисистемных сил, направление действия которых остается и сегодня тайной даже в общенаучном, философском осмыслении (выбор потенциальной системы-аттрактора в точках бифуркации).

Системный изоморфный процесс, в результате действия которого фонологические процессы привели к изменениям в составе морфологических категорий, был следствием синергетической способности системно-структурной организации языка к саморегуляции. Толчком к морфологическим инновациям послужила вновь образовавшаяся асимметрия формы и содержания языкового знака в системе древнеанглийского языка, которая в свою очередь, обязана своим возникновением многочисленным фонологическим новшествами. Эта языковая внутрисистемная «цепная реакция» была вызвана просодическим фактором фиксации ударения внутри германского слова.

В разделе III.15 реконструируется диахронический морфонологический процесс. Реконструкция дается поэтапно, хотя разграничение этапов условно, т.к. весь процесс был перманентен. Особо оговариваем, что поэтапная дискретность носит гносеологический характер. Выделяются 4 этапа.

Этап 1. Состояние равновесия: разноместное подвижное ударение. Морфология «активно следит» за надежностью флексий как маркеров своих значений, сохраняя их в ударной, сильной позиции: большинство гласных

флексии ещё сохраняется. На морфологическом уровне система дра. имени представлена развитой флективной парадигмой с четко выраженными маркерами категориальных значений. Присутствует согласование имен в роде, числе и падеже. Местоимения также имеют разветвленную систему склонения. Но, синхронное состояние равновесия структурных единиц нестабильно, т.к. разноместность как просодическая хаотичность для системы опасна. Оно окончательно нарушается процессом фиксации ударения на начало слова, на корневой морфеме. Фиксация ударения на денотативно значимой корневой морфеме вызвана «противоборством» системы языка, требующей моносемантических маркеров собственных грамматических значений и желанием носителей языка просодически выделить значимую часть лексемы. Это вызвало ослабление вокализма служебных флективных морфем в слабой, безударной позиции, их полисемию и постепенное синкопирование. Параллельно фиксации ударения на корневой морфеме, имеющей лексическое значение, система проводит окончательный переход от склонения по индоевропейским основам к склонению по родам.

Этап 2. Тенденция ослабления и редукции вокализма конечных слогов, оказавшихся в слабой, безударной позиции, получает дальнейшее развитие. Вступают в силу явления конца слова: флексия как маркер грамматического значения теряет форму и постепенно утрачивает дистинктивную функцию. Функции флексий с редуцированным [ε] и объем их морфологической семантики непомерно расширяются: информационное содержание флексии полисемантического маркера нивелируется. При активной фонологии наступает синкретизм грамматических форм, что приводит к еще большему расширению диапазона их морфологических функций (энтропия) и, следовательно, к их утрате. В пассивной морфологической системе наступает хаотическое накопление инноваций. Под влиянием саморегулирующегося синергетического механизма, система дра. языка могла или активно противостоять просодическим инновациям и восстановить прежнее равновесие, или изыскивать новые средства для постепенно утрачиваемых флективных маркеров объективных грамматических категорий.

Этап 3. Кульминация процесса ослабления безударных слогов. Вокализм флексий, редуцированный до [ε], теперь полностью синкопируется. Конечные [-e, -n] исчезают, т.к. становятся морфологически индифферентными. Флексии, которые в ходе данных процессов сохраняются, приобретают узкую функцию актуализации объективных категорий. В дра. морфологии имени наступает переструктуризация. Система отказывается от служебных категорий рода и падежа. Категория рода исчезает полностью, категория падежа существенно упрощается. Вышеописанные фономорфологические процессы играют определяющую роль в перестройке морфологического типа языка. Действие фономорфологических процессов (фиксация ударения, редукция безударных гласных, апокопа конечных –e, –n) приводит к утрате маркеров грамматических категорий рода и падежа, а вместе с ними и самих категорий. Они сохраняются как объективные лишь у личных местоимений. Местоимения, тяготеющие по своим формам или к сущ., или к прилаг. также теряют эти категории, сохраняя

лишь некоторые дейктические функции. Форма категории числа видоизменяется. Из дра. разветвленной флективной системы категории числа сохраняется только флексия –es. Её функция расширяется системой до маркера множественного числа всех существительных, независимо от рода и падежа. У прилагательных форма категории числа редуцируется до [Ø] – как маркера ед.ч. и [–e] – как показателя мн.ч. всех прилагательных. Позднее этот маркер исчезнет, и прилагательные лишатся этих служебных категорий. У местоимений объективная категория числа в сра. продолжает сохраняться. Категория падежа в сра. изменяется до двухпадежной оппозиции у существительных; у местоимений она сохраняется частично.

Этап 4. Исчезли маркеры именных служебных грамматических категорий. Эллиминировались или изменили свое содержание сами категории. Система дра. языка находится в поиске новых способов выражения морфологических связей и значений. Утрачено согласование между существительным и его определением. Это начало самодвижения системы к аналитизму и функциональной нагрузке фраземного уровня. Для регулирования синтагматических и семантических отношений словоформ внутри предложения устанавливается и фиксируется четкий порядок слов. Повышаются в морфологическом статусе предлоги, расширяется их семантика. Некоторые объективные падежные отношения, утратив формальные признаки, начинают выражаться через предложные конструкции и порядок слов. К концу этого этапа активно перестроившаяся морфологическая система сра. языка начинает функционировать в новом качестве и новом равновесном состоянии. Она саморазвивается по пути к аналитическому типу.

Таким представляется процесс эволюции морфологической системы имени английского языка. Данные этапы были вычленены в результате анализа конкретного материала вариантов памятника. Языковая структурно-системная организация, зафиксированная в четырех вариантах рукописи, отражает этапы развития по вышепредложенной схеме.

Язык может быть структурно более или менее древним. Состояние системной организации языка есть показатель его эволюции. На вопрос *When did the Middle English begin?* следует отвечать в рамках системного развития структуры английского языка, а не в хронологическом отношении. Среднеанглийский период – это новый этап в развитии английского языка, и он начинается тогда и там, где вследствие саморазвития системы, структура языка представляет собой качественно новый этап эволюции. Английский язык из своего древнего состояния вышел тогда, когда он преобразовался в качественном отношении, структурно изменившись на пути к аналитическому строю; именно тогда он и вступил в среднеанглийский период. При такой постановке проблемы вопрос о хронологической границе не может быть однозначно решен, т.к. морфонологический процесс реорганизации морфологической системы английского языка длился, как это показывает наш материал, по крайней мере, четыре столетия (IX – XIII) и, разумеется, не может быть хронологически «привязан» к определенной дате. Хронологически не могут быть датированы и этапы единого системного морфонологического про-

цесса, т.к. они отражают вневременные структурные состояния языковой системы.

Четвертая глава «Лингвопрогностика и потенциальные системные инновации в русском языке» посвящена инновационным процессам, наблюдаемым в современном русском языке.

Лингвопрогностика как важное направление современного языкознания рассматривается в **разделе IV.1**, синергетика как методологическая база лингвопрогностики определяется в **разделе IV.2**. «Стартовав в начале века в виде отдельных предсказаний о будущем языка, набирая силу в 70-х годах нашего века, лингвистическая прогностика полноценной наукой вошла в XXI век» [Гамова 2002]. Сравнительно-историческое языкознание бóльшее внимание уделяло вопросам реконструкции праязыковых состояний языков. Но уже в конце XIX века в исследованиях И.А. Бодуэна де Куртенэ и его учеников появляются зачатки нового интереса к будущим состояниям языковой диахронии. В современном языкознании вопросы лингвистической прогностики активно разрабатываются в исследованиях Воронежской школы лингвопрогностики под руководством проф. А. А. Кретьова. «В общем виде прогностика определяется как раздел науки, занимающийся научным предсказанием поведения объекта. Специфика лингвистической прогностики состоит в том, что она является разделом, венчающим здание науки о языке и опирающимся на прочие ее разделы» [Кретьов 2000]. Лингвопрогнозирование стоит перед рядом сложностей. Всем лингвистическим теориям всегда приходится опираться на языковые данные. Материал подтверждал или опровергал теоретические выводы: он всегда был объектом анализа. Лингвопрогностика этого лишена. Языковых памятников будущего нет. Поэтому основным признаком прогнозирования определяется априорность. В ходе работы над материалом у ученого могут возникнуть гипотезы о тенденциях адвентного развития языка. Гипотезы появляются не на пустом месте, это результат анализа тенденций, процессов латентного прошлого и актуализированного настоящего. «Время подтвердит или не подтвердит действие известных нам лингвистических законов и закономерностей, либо выявит наличие новых, еще не известных нам - в этом смысл лингвистической прогностики» [Рылов 2002, 3]. Футурогностика - это трудная область знаний в любой науке, ибо футуролог уязвим, его всегда можно легко подвергнуть сокрушительной критике. Но футурология существует и развивается. Многие из её выводов подтвердятся, многие - окажутся ложными.

Синергетика может стать методологической базой лингвопрогностики. Вопрос о предсказании, прогнозировании развития тенденций на разных уровнях системы различных языков как о типологическом явлении впервые был поднят Р. Якобсоном на Международном конгрессе лингвистов еще в 1957 году. К сожалению, эта проблема (транспонирование или экстраполяция диахронических универсалий или фреквенталий с одного языка на другой), намеченная в «Меморандуме о языковых универсалиях» остается малоизученной. Выше обосновывалось положение о том, что язык является синергетической системой, состоящей из нескольких подсистем. Каждая из них

имеет свои законы развития, но подчинена высшим законам эволюции единой языковой системы и обязана им следовать. Так функционируют иерархические, самоорганизующиеся и саморазвивающиеся феномены. Синергетика как новейшая научная методология, призвана вскрывать процессы в сложных системах, объяснять причины появления переходных моментов выхода системы из состояния относительного равновесия и определять пути её дальнейшего нелинейного развития. Основоположник синергетических идей Г. Хакен предлагает следующее классическое определение: «Синергетика занимается изучением систем самой различной природы, исследует общие принципы, управляющие эволюцией самоорганизующихся структур и функций» [Хакен 1972].

Синергетика – «это познание и объяснение сложного, его природы, принципов организации и эволюции»; это учение о процессах развития, о возможности моделирования и предсказания направлений процессов, после моментов наступления хаоса, когда система теряет равновесие и ее поведение становится неустойчивым (теория катастроф)» [Князева, Курдюмов 2000]. Идеи о системности языка были основными еще в структурализме 70-80 г. XX века. Не нов и тезис о внутренних системных причинах эволюции языка. Но, синергетика предлагает обобщенное, философско-методологическое, толкование языковых процессов в нелинейных условиях. Синергетика может быть методологической базой для лингвопрогностических исследований. Футурогностика, исследующая возможные варианты развития сложных систем в будущем, в последние годы находится в поле зрения не только лингвистов, но и синергетиков: в 2000 г. в Турку прошла международная конференция по проблемам «будущего» как объекта синергетических изучений. «Новыми тенденциями являются эволюционные и критические исследования будущего, основанные на современных теориях сложности и хаоса, а также общей теории эволюции. Будущее системных объектов сложно, оно открыто, множественно и произвольно» [Курдюмов, Князева]. Саморазвиваясь, система оказывается перед выбором из нескольких структур – аттракторов. Лингвист, изучающий будущее системы, не всегда может с полной уверенностью определить, по какому пути пойдет развитие. Язык не развивается произвольно: все внутренние процессы подчинены определенным законам функционирования и эволюции всей системы как целостного образования. Взаимодействие элементов жестко идет по типологическим законам. Для языковых систем это многие внутриуровневые и межуровневые, функциональные связи. Нарушение порядка и взаимосвязи языковых элементов ведет к нарушению работы системы, вступлению ее в ситуацию неравновесного Хаоса. Количество структур-аттракторов, как правило, определено. Потенциальные тенденции развития системы языка в будущем предзаданы уже в прошлых и современных состояниях системы. Типологически система языка не может выбрать путь, который не был бы характерен для систем других языков.

В ходе этих процессов языковая система может следовать только по универсальным тенденциям развития. Эти тенденции определены свойствами и характеристиками системы языка и стремлением системы к восстановлению

синергетического равновесия. Изучив свойства языковой системы и ее основные характеристики, располагая данными по диахроническому развитию системы в прошлом и её синхронному состоянию, можно предсказать пути эволюции этой системы; конечно, при учете того, что это будут лишь потенциальные тенденции. Таких «возможных тенденций» будет не много. Система языка сама определяет те пути эволюции, которые приведут её к новому состоянию равновесия. «Изучение структур разных языков, вскрывая взаимосвязь языковых явлений, может сыграть громадную роль для раскрытия внутреннего механизма эволюции языка» [Щерба 1974].

В акцентологической системе современного русского языка явно представлены инновационные процессы. С просодической точки зрения прослеживается ситуация, весьма близкая той, в какой находился древнеанглийский язык на позднем этапе своего развития. Можно проследить устойчивые инновации: отмечавшаяся еще Фортунатовым тенденция к фиксации ударения на корневой морфеме. Этот процесс не однозначен: 1) носители языка стремятся к парадигматической фиксации ударения со сдвигом к началу слова, к корневой морфеме, она лексически (денотативно) значима в отличие от флексии, значение которой чаще служебное: (ср.: м.р. *сáд, сáда, сáду, сáдом, сáде*; ср.р. *дéло, дéла, дéлу, дéлом, дéле*; ж.р. *тáчка, тáчки, тáчке, тáчкой, тáчку*). 2) но система этому процессу активно противостоит, подкрепляя за счет просодики грамматическую (морфонология) или лексическую (лексофонология) семантику падежной флексии (ср. *дóм – домá – дóма – на дóме, на домú; ношú – нóшу, ловлю – лóвлю*), которая сама по себе чаще полисемантична. Ср. дат.п., муж, ср.р. и вин.п., жен.р. - [у]; им.п., жен.р. и род.п. ср., муж.р. - [а]; дат.п. жен.р. и пр.п. муж., ср.р. - [е]; [Ø] - флексия им.п. и вин.п., муж., ср.р.: Автобус обогнал мотоцикл – только синтаксис семантичен. Возможно использование фразовых ударений (энклитики, проклитики): *на дóме, на домú; на пóле, на́ поле*. Аналогичная картина в парадигматике множественного числа: *дéньги – с дéньгами – с деньгáми, на кáмнях – на камнях* представляет противостояние коммуникативных и системных вариантов. Эти системные противостояния отражаются в современных орфоэпических словарях: ученые вынуждены вводить понятия «второго род. и второго предл. падежей: *газ – без гáза – без гáзу; прóк – нет прóка – нет прóку* и соглашаться с «литературностью» вариантов типа *твóрог - твóрога и творóг – творогá* [Лопатин 1977]. Сохранение в ударном положении категориальных маркеров для системы важнее: *тóкари – токаря, слéсари – слесаря, дирéкторы – директорá, офицéры – офицерá, плíнтусы – плинтусá, повтóрим – повторím, гóры – по горáм, в горáх по стéнам – по стенáм, гóсти – в гостях, у прúда – у прудá, на хóлмах – на холмáх, под мóстом – под мостóм, трúбы – труб`ы, гóрода – городá, глáза – глазá. При этом система языка терпима к многочисленным ненормативным ударениям со сдвигом вперед: *возбúдить, нáчать, прíнять, углúбить, сформíровать, премíровать, заклю`чен, позвóнит, внéсен, перевéден, пéредан, бáловать, мíнул год, повтóрим, попал в клéщи, в `яслях, дóговор, прíговор, у прúда, на хóлмах, под мóстом*. И даже этимологически не ясно, что правильнее: *у прúда* или *у прудá*. Языковое чутьё весьма терпимо к таким*

языковым «вольностям», но «масштабы инноваций таковы, что многие всерьёз опасаются, что следующее поколение заговорит на новорусском языке» [Костомаров 1999].

Прослеживается системная тенденция использования просодики для лексических оппозиций (лексофонология): *кв́артал* – *квартáл*, *учи́тели* – *учителя*, *па́ром* – *парóм*, *потóм* – *пóтом*, *полкí* – *пóлки*, *кóсит* – *косíт*, *кру́гом* – *кругóм*. «Морфологическое словообразование для нас привычно, но не следует забывать и о фонетическом. Язык все время изменяется. Некоторые стороны языка действительно стоят очень твердо в течение длительного периода, зато другие стареют, а третьи лишь зарождаются. Но всегда есть факторы, которые «грызут норму», и при состоянии наших знаний, мы еще не умеем их наблюдать. Мы говорим уже *о каких-нибудь тысяче рублях*, хотя старое *о тысяче рублей* не звучит ещё неправильно» [Щерба 1977]. Частотно употребление *singularia tantum* во множественном числе: «*дешёвые водки, мелкие бизнесы, биржевые риски, смелые инициативы, предварительные договорённости, взаимные озабоченности, прямые эфиры, установка сигнализаций и проч.*» [Костомаров 1999]. Многочисленные заимствования трудно акклиматизируются в грамматическом отношении: *желтое, -ые такси, чёрный и чёрное кофе*. Заимствованные лексемы мн.ч. воспринимаются как ед.ч. и приобретают дополнительную морфему: *кексы, рельсы* (англ. *cakes, rails* – уже мн.ч.), *сникерсы, командосы, баксы, слаксы, леггинсы*. В словообразовании агрессивный английский суффикс – *инг*: *кастинг, клиринг, дансинг, холдинг, маркетинг, брифинг, демпинг, сайдинг* распространяется и на устоявшиеся в русском языке слова *тренер – тренинг* (с семантикой инфинитива или результативного сущ. *ежедневный тренинг, не хватает тренинга*). Он участвует в деривационных процессах: *демпинговать, демпинговые цены, холдинговая компания* и в образовании синтаксических конструкций: *пройти кастинг, тренинг на победу, оказываем консалтинг*.

Нельзя согласиться с «коммуникативной бессмысленностью» подобных явлений [Костомаров 1999]. Эти моносемантические термины в результате акклиматизации в языке постепенно приобретают новые контекстуальные семы. Это обогащает русский язык, делает его более экономичным и выразительным. Относительно имён м.р. образующих им.п. мн.ч. на *[- ы/и]* или *[- а]*. Л. Щерба, восхищаясь атомическим анализом причин подобного развития у А. Шахматова, цитирует: «слова с неподвижным ударением на основе или на окончании никогда не имеют *-а*, кроме *рукава́*. Исключения связываются со старым дв.ч. Но откуда новые формы *валы, верхи, жиры, слоги, роды*? Всему причиной необходимость оппозиции с род.п., ед.ч. – *дóма* – *домá*: так возникли две сопротивляющиеся группы, те, что передвигают ударение на окончание и те, что не передвигают его в силу особого оттенка значения: *долы, гробы, хлебы, зубы, роги, волосы* [Щерба 1977]. И далее: «едва ли это толкование может считаться приемлемым, будущему исследователю придется перестроить ряды, внести другие предпосылки» [там же].

Можно отметить случаи унификация парадигм местоимений по роду: *мой дом, моя дочь, мое село*; но *его дом, его дочь, его село*; *её дом, её дочь*,

её село; их дом, их дочь, их село. Ещё недавно нормативными были «самое форму нельзя определить вне её значения; надо изучать **самый** механизм данного явления» [Щерба 1977]; «самое число окончаний; самая потребность; форму, самое по себе» [Винокур 1959]. Сегодня уже: саму, сам, само.

Число выражается формой сочетания «числит. с сущ.», которое в им. или вин.п. числительных ставится в род.п. мн.ч., при *два, три, четыре-* в ед.ч., и в косвенных падежах согласование восстанавливается: *с пятью книгами, десятью яблоками, с десятью солдатами, при двадцати солдатах*, но: *с десятком яблок, при сотне солдат, при ста солдатах, с десятком солдат*. Сегодня *тысяче солдатам роздан паёк* звучит правильно, *миллиону солдатам* - неправильно. Аналогичная ситуация после *много, немного, мало, немало, сколько, несколько*, которые считаются наречиями. Четкого порядка в современном русском языке нет, особенно при многозначных числах: *в моей библиотеке 2879 книг, я прочел каждую из 2879 и доволен всеми 2879* – не рискнем склонять, здесь «спотыкаются» даже дикторы радио и телевидения. Но отчётлива системная тенденция к упрощению склонения: *летел на ТУ сто пятьдесят четыре (четвертом?); неполадки с ИЛ шестьдесят два (вторым?); встреча с космонавтом два (вторым?); живу в корпусе три (третьем?), дома восемьдесят четыре (четвёртого?); в квартире семьдесят пять (пятой?)*

Наблюдаются аналитические формы: при образовании степеней сравнения прилагательных: *красивее – более красивый, наикрасивейший – самый красивый, наикратчайший – самый краткий*. Системный лексосинтаксис: фразовые омоформы: *отцов(ский) дом – дом отца* или *отцов дом; подарок матери - для матери* или *от матери; дочь любит мать* или *мать любит дочь?* Аналитические формы (через предлоги или пассивизацию) предпочтительней, как и при актуализации будущего времени глаголов: *я еду – я поеду (по – маркер темпоральности), но я буду говорить об этом, а не поговорю* (где *по* – маркер вида и времени). При замене притяжательных прилагательных – деноминативов: *Пушкинская улица – улица Пушкина, дочер(нина)няя, сыновья школа – школа дочери, сына*. Новые иностранные прилагательные не склоняются: *куртка цвета хаки*.

Чтобы понять функцию славянской просодики и ее роль в морфологии, необходимо отметить, что фиксированное ударение с парадигмой типа: *стóл – *стóл-а, *стóл-у, о *стóл-е, под *стóл-ом*; мн. ч.: **стóл-ов, *стóл-ам, о *стóл-ах, под *стóл-ами* сегодня пока неприемлемо для русского уха, однако *дóм- дóму, о дóме, под дóмом* парадигма ед.ч. уже унифицирована. Уже имеются формы мн.ч.: *кáмень, кáмня, о кáмне, под кáмнем, кáмни, кáмней, о кáмнях, под кáмнями* некогда неприемлемые, теперь ставшие обычными. «Многообразие типов склонения, будучи следствием фонетических процессов, является скорее курьезом, хотя оно несомненно является одним из показателей разрушения склонения в русском языке» [Щерба 1977].

В глагольной парадигматике отмечается: несистемное, коммуникативное изменение управления (вин.п. вместо род.п.): *Оплачивайте за проезд! Это то,*

что народ хочет и ждет! Не прячь нос!; игнорирование возвратного местоимения *не могу представить, чем это кончится!*; употребление глаголов без номинативных уточнителей: *не надо нарушать, всем необходимо определиться, и все должны соответствовать*; экспансия предлогов: *об этом надо иметь в виду* и даже с инфинитивом: *за отдохнуть, что угодно, я не против побеседовать*. Здесь ни *поработать*, ни *отдохнуть*, не говоря уже *об уснуть* игнорирование синтаксических согласований: *и нет курить и нет огня, Он отказался назвать себя и от фотографирования*. Эти действия наказываются штрафом или возбуждается уголовное дело. Нередки случаи рядоположения переходных и непереходных глаголов: *Эти силы могут блокировать, мешать или замедлять сам процесс; мы знаем и владеем обстановкой; имеем возможность отслеживать и влиять на ситуацию; содержание и уход за автомобилем* [Костомаров 1999]. Даже компьютер сегодня еще выделяет эти предложения как неправильные, но еще в 1970 году в «Грамматике русского языка» предлагалось отказаться от понятия однородных/неоднородных членов предложения и заменить их термином «открытые сочинительные ряды». Это признак аналитизма, который как известно, позволяет рядоположать любые формы, не задумываясь о согласованиях.

Серьёзные сдвиги отмечаются на уровне морфологии: «выталкивание исключений» [там же]. Среди «ошибочных с точки зрения литературной нормы», автор приводит формы: *глодает* вместо *гложет*, *махает* – *машет*, *полоскает* – *полощет*, *кудахтает* – *кудахчет*, *мяукает* – *мяучит*, *метаёт* – *мечёт*, *пощипаем* – *пощипем*, *поехай* – *поезжай*, *текёт* – *течет*, *отвлекёмся* – *отвлечемся*.» Не говоря уже о просторечных формах типа: *ложить*, *белей*, *бегёт*, *могёт* и т.д. Это системное парадигматическое выравнивание и унификация парадигматических рядов по принципам изоморфизма. Официальные: *я могу, ты можешь, он машет* частотно нарушаемы. Эти исторические чередования являются анахронизмом и поддерживаются на письме только языковой нормой. «Вслед за Бодуэном я не думаю, чтобы жизнь языка не могла в той или иной мере подвергаться нашему сознательному воздействию. Из двух вариантов форм мн.ч. 3-го л. глаголов с ударением на корне - *ат*, - *ут* (*просят, стоят, мочат*) выбирается искусственно поддерживаемая форма на - *ат*, хотя формы эти нереальны, т.к. естественное развитие языка ведет к - *ут*, как к более четкому признаку данной категории, т.к. неударное - *ат* в разговорном стиле смешивается с - *ит* 3-го лица, ед.ч. На моей даже памяти неударное [а] после мягких согласных, т.е. [я], начинает вытеснять в полном стиле [е]: *плясать, клянусь*, вместо *плесать, кленусь*» [Щерба 1977].

Как показал диахронический анализ германского материала, представленный в III главе, глобальные инновации на всех уровнях системы английского языка были спровоцированы изменениями акцентных отношений в парадигматике слова: разноместность ударения, вызывающая накопление системных инноваций; его фиксация на начальной, корневой морфеме, несущей

лексическое значение, как наиболее важное в процессе коммуникации. Это обстоятельство привело к разрушению безударной флексии как маркера определенных служебно - субъективных категорий (родовое, падежное и личное согласование) и некоторых объективных грамматических категорий. Представляется, что футурологическое исследование тенденций развития современного русского языка необходимо также начать с синхронного анализа его акцентологической ситуации. Просодические отклонения от нормы очевидны и общепризнаны. На современном этапе эволюции в нём прослеживаются устойчивые тенденции смещения ударения с вектором вперед. Эти инновации проявились уже давно и существуют в языке десятки лет. О подобных процессах писал Л. Васильев еще в 1904 году [Васильев 1904], поэтому можно сделать предварительный вывод о том, что к началу 20 века такая тенденция уже заметно укрепилась в языке. Разумеется, что без диахронического анализа причин этой тенденции, синхронное представление выглядит несколько ущербным.

Причины весьма многочисленны. Это могут быть соотношения первичных и вторичных именных и вербальных образований, т.к. номинативные акты представляющие собой продукт речевой деятельности, осваиваемый языковой системой в виде функциональных нормативных и узуальных форм: *пуга́ть, запуги́вать, испуг*. Важным этапом в процессе смещения ударения может быть факт переориентации системы русского языка в определенный период с чисто временных на видовременные характеристики: *ска́з, сказа́ть, ска́зывать, сказа́нуть*. Не менее важными являются фонеморфологические и морфонологические отношения при формировании акцентных парадигм: сигнификативная функции ударения: *до́ски – доскí;* трансформация акцентных типов в диахронии (тоническое – музыкальное – динамическое) и рецессивные процессы энклиноменов в праславянском языке: *на́ воду, на во́ду; на́ берег, на бе́рег* и многие другие причины смещения ударения, вскрытие которых должно быть предметом специального исследования. Важно констатировать живость этого процесса в современном русском языке и сравнить его потенциальные последствия с аналогичными ситуациями и процессами других языков в рамках синергетической нелинейной типологии.

Причинная связь определяется для любого события по отношению к конкретным системным условиям, вызвавшим эти события или процессы, следовательно, можно со всей очевидностью предположить, что при идентичных системных условиях события получают одинаковый процесс развития. Причиной несовпадений может быть только вмешательство извне в нормальный ход событий (нормативование), а их следствием – сдерживание системных изменений в исходном состоянии субъекта. Исследование просодики в современном языке всегда сложно: надёжна только звучащая речь, но многое из того, что уже живет в речи, не отражено в словарях и потому нормативные оценки, порой, малоубедительны. На таком общем фоне оказывается не просто проследить все тенденции в области русского ударения,

заложенные в самой языковой системе, хотя они известны и наметились еще в середине века, но наиболее интенсивно проявляются в современных условиях. Активным процессам в области ударения посвящена глава VII монографии «Русский язык конца XX столетия (1985-1995)», написанная В.Воронцовой [Воронцова 1996]. Много материала о тенденциях в ударении и норме содержится в трудах К.С. Горбачевича, А.В. Суперанской и др. Причины акцентных изменений отмечаются в основном как внутрисистемные.

На основе анализа эмпирии трех Словарей современного русского литературного языка 1957, 1981 и 1990 гг. издания [Словарь 1957; Словарь 1981; Словарь 1990] было рассмотрено и проанализировано 270 тысяч слов, которые составили общее количество материала. Поскольку исследуемые словари имеют разное количество слов (соответственно 70, 90 и 110 тысяч), сопоставление в абсолютных цифрах представляется нецелесообразным. Для полноты информации добавляем компаративный анализ процентными отношениями. Материалом лингвистического анализа послужили однокоренные слова, в которых наблюдалось смещение ударения к началу слова (в простом и сложном слове). На основе слов такого типа были составлены следующие группы: глагол + глагол, сущ. + глагол, прилаг. + глагол, сущ. + прилаг., сущ. + сущ., наречие + глагол, наречие + прилаг., прилаг. + прилаг., и глагол + прилаг. Доминирующее положение по количеству слов занимают первые три группы. Сложные слова так же подверглись влиянию общей тенденции к смещению ударения, но их количество небольшое.

Сравнительный анализ нижеследующего материала основывался на элементарном сопоставлении однокорневых слов, без учета их девербативного или деноминативного происхождения, базовых или деривационных, временных или видовременных характеристик. Ниже следуют образцы:

Группа «глагол + глагол»: пуга́ть - подпу́гивать, спу́гивать, распу́гивать, отпу́гивать, выпу́гивать; руга́ть - обру́гивать, пору́гивать; струга́ть - застру́гивать, настру́гивать, обстру́гивать, остру́гивать, состру́гивать, отстру́гивать, выстру́гивать; сиде́ть - сужива́ть, засужива́ть, обсужива́ть, подсужива́ть, досужива́ть, просужива́ть, отсужива́ть, высужива́ть и т.д.

Группа «сущ. + глагол»: кочевни́к, кочевье́ - кочева́ть, уто́пленник - утопа́ть, вису́льник - висе́ть, тра́вщик - трави́ть, набу́вщик - набива́ть, обу́вщик - обива́ть, залу́вщик - залива́ть, облу́вщик - облива́ть, вербу́вщик - вербова́ть, во́лок - волочи́ть, обно́сок - носу́ть, плеск - плеска́ть, за́пись - записа́ть, на́дпись - надписа́ть, сбывчи́вость - сбыва́ться, уживчи́вость - ужива́ться, обидчи́вость - обижа́ться, находчи́вость - находи́ть, доходчи́вость - доходи́ть, отра́ва - трави́ть, кро́вь - кровить и т.д.

Группа «прилаг. + глагол»: заго́нный - гна́ть; подкóпный, окóпный - копа́ть; наносны́й - наноси́ть; подно́сный - подноси́ть; па́хотный - паха́ть; ва́рочный - вариу́ть; отбо́рочный - отбира́ть; убо́рочный - убира́ть; утешны́й - утеша́ть; забранны́й - забира́ть; ржа́вый - ржаве́ть; запавши́й - запада́ть; впавши́й - впада́ть; уга́данный - угада́ть; поса́дочный - сажа́ть; зара́зный -

заража́ть; зава́ренный - ва́рить; хва́ткий - хвата́ть; за́ткнутый - затыка́ть; пла́тный - пла́тить; сжа́тый - сжима́ть, уста́лый - устава́ть и т.д.

Этот процесс уже отмечался в работах А. Зализняка, Л. Васильевой, В. Колесова, Е. Земской, В. Воронцовой и др. Наша задача - констатировать наличие общей тенденции к сдвигу ударения к началу слова. Данный процесс может быть рассмотрен как типологический, универсальный, служащий отправной точкой для дальнейшего развертывания инноваций в системно-структурной организации языка.

Статистическая обработка материала представлена в следующей таблице:

№	Группа	1957: к-во%		1981:к-во %		1990: к-во %	
1	Глагол ↔ глагол	7282	10,4	12395	13,8%	14030	12,75%
2	Сущ. ↔ глагол:	5012	6,16	7394	7,3%	8807	7,13%
3	Прил. ↔ глагол:	1847	2,64%	2689	2,96%	5719	5,19%
4	Сущ. ↔ прил.:	2325	2,9%	2693	2,7%	3899	3,27%
5	Сущ. ↔ сущ.	1015	1,45%	1184	1,3%	1466	1,3%
6	Наречие. ↔ глагол	682	0,97%	1124	1,51%	1282	1,15%
7	Наречие ↔ прил.	308	0,44%	412	0,5%	454	0,4%
8	Прил. ↔ прил.:	194	0,28%	211	0,2%	349	0,31%
9	Смещ.1ч.сложн.сл.	3841	5,5%	4210	4,7%	6783	6,2%
10	Смещ.2ч.сложн.сл	152	0,2%	190	0,2%	492	0,4%
ИТОГО:		32,4%		36,1%		39,3%	

Цифры показывают, что тенденция к сдвигу ударения к началу слова набирает силу, количественные показатели растут. Мы познакомились с трудами Л. Щербы, В. Виноградова, Г. Винокура, В. Редькина, К. Горбачевича, В. Костомарова, Р. Аванесова и др., что и позволило нам сделать предварительные выводы, опираясь на эскизно представленный эмпирический материал, поднять вопрос о схожести системных ситуаций в современном русском и древнеанглийском языках, о возможности экстраполяции основных тенденций эволюции систем с системы одного языка на другую. В русском языке, на современном этапе его развития, наблюдаются процессы накопления инновационных характеристик в суперсегментной сфере. Данные тенденции совпадают с первым этапом эволюции языковой системы древнеанглийского языка. Основываясь на эмпирическом материале трех Словарей русского языка (1957, 1981, 1990гг.) можно сделать предварительный вывод о том, что, возможно, русский язык пройдет те же этапы, какие имели место в древнеанглийской диахронии. Если вышеуказанная тенденция закрепится и получит дальнейшее развитие в будущем, то тогда можно будет говорить о типологическом характере этапов эволюции языка в диахронии. Причинная связь определяется для любого события по отношению к конкретным условиям, вызывающим эти процессы. Можно со всей очевидностью предположить, что при идентичных условиях события получают одинаковые направления эволюции.

В Заключении подводятся основные итоги исследования. Выводы делаются в соответствии с задачами исследования и положениями, выносимыми на защиту. Постулаты представленные в главе I доказываются в корпусе диссертации теоретически в рамках общей типологии синергетических систем и экспериментально подтверждаются эмпирическим материалом.

Предварительный типологический анализ языковых систем в диахронии позволяет сделать вывод о том, что в эволюции этих систем прослеживаются типологически сходные тенденции.

Основные положения диссертации отражены в публикациях:

монографии:

1. Бондаренко, Е.В. Язык как лингвопрогностическая проблема: монография / Е.В. Бондаренко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. – 226 с. (13п.л.)
2. Бондаренко, Е.В. Эволюция языковой системы в диахронии: монография / Е.В. Бондаренко. – Белгород: Логия, 2005. – 150 с. (8,8 п.л.)

словари :

3. Бондаренко, Е.В. Словарь лингвистических терминов / Е.В. Бондаренко. – Белгород: Логия, 1999. – 112 с. (6,51 п.л.)
4. Бондаренко, Е.В. Англо-русский словарь междометных фразеологизмов и сравнений / Е.В. Бондаренко. – Белгород: Логия, 2003. – 117 с. (6,8п.л.)

пособия:

5. Бондаренко, Е.В. История английского языка и английского народа (Дополнительные материалы по курсу «Введение в германскую филологию») / Е.В. Бондаренко. – Белгород: Изд-во Комитета Гос.Стат., 1999. – 153 с. (9 п.л.)
6. Бондаренко, Е.В. Материалы к семинарским занятиям по курсу «Введение в языковедение» / Е.В. Бондаренко. – Белгород: Логия, 2000. – 159 с. (9,3 п.л.)
7. Бондаренко, Е.В. Курс технического перевода / Е.В. Бондаренко. – Белгород: Логия, 2002. – 187 с. (11 п.л.)

статьи и тезисы:

8. Бондаренко, Е.В. Логика и механизм системных изменений в языковой диахронии / Е.В. Бондаренко. // Единство системного и функционального анализа языковых единиц. Вып. 2. – Белгород: Изд-во БелГУ, 1996. – С. 10–17.
9. Бондаренко, Е.В. Система и структура языка в диахронии / Е.В. Бондаренко. // Проблемы обучения профессиональному общению на иностранном языке. – Белгород: Изд-во БУПК, 1999. – С. 192 – 197.
10. Бондаренко, Е.В. Языковые контакты и теория субстрата с типологической точки зрения / Е.В. Бондаренко. // Проблемы описания и преподавания иностранных языков. – Белгород: Изд-во БелГУ, 1997. – С.14 – 22.
11. Бондаренко, Е.В. Об одном частном случае действия морфонологических процессов в истории английского языка / Е.В. Бондаренко. // Сборник научных трудов молодых ученых. Вып.2. – Белгород: Изд-во БелГУ, 1997. – С. 86 – 90.
12. Бондаренко, Е.В. Где же граница между древне- и среднеанглийским? / Е.В. Бондаренко. // Сборник научных трудов молодых ученых. Вып.2. – Белгород: Изд-во БелГУ, 1997. – С. 90 – 96.
13. Бондаренко, Е.В. Система языка в диахронии: Межуровневые функциональные связи / Е.В. Бондаренко. // Единство системного и функционального анализа языковых единиц. Вып. 3. – Белгород: Изд-во БелГУ, 1998. – С.25 – 28.
14. Бондаренко, Е.В. Язык и метаязык словарных дефиниций / Е.В. Бондаренко. // Проблемы лексикографии. – Белгород: Изд-во БелГУ, 1999. – С. 10 – 13.
15. Бондаренко, Е.В. Языковая система: целое – не сводимое к механической сумме составляющих / Е.В. Бондаренко. // Лингвометодические основы обучения межкультурному общению на современном этапе. Материалы межвуз. науч.- практич. конф. Белгород, 17-18 мая 2001г. – Белгород: Изд-во Кооперативное образование, 2001. – С. 178 – 181.
16. Бондаренко, Е.В. Диалектика языковой системы: конфликт необходимости самосохранения и движения как способа существования / Е.В. Бондаренко.// Единство системного и функционального анализа языковых единиц. Вып. 5. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2001. – С. 407 – 410.

17. Бондаренко, Е.В. К вопросу о лингвистической модели / Е.В. Бондаренко. // Филологические исследования. Вып 1. Межд. сб. научн. трудов. – Запорожье: Изд-во ЗЮИ МВД Украины, 2002. – С. 19 – 21.
18. Бондаренко, Е.В. Жив ли структурализм? / Е.В. Бондаренко. // Филологические исследования. Вып. 2. Межд. сб. научн. трудов. – Запорожье: Изд-во ЗЮИ МВД Украины, 2003. – С. 144 – 148.
19. Бондаренко, Е.В.. Структурное взаимодействие языковых систем / Е.В. Бондаренко. // Филологические исследования. Вып. 2. Межд. сб. научн. трудов. - Запорожье: Изд-во ЗЮИ МВД Украины, 2003. – С. 151 – 154.
20. Бондаренко, Е.В. Функциональные трансформации в диахронии языка / Е.В. Бондаренко. // Единство системного и функционального анализа языковых единиц. Вып. 6. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2003. – С. 38 – 41.
21. Бондаренко, Е.В. Взаимодействие языка и мышления, процесс речетворчества / Е.В. Бондаренко. // Единство системного и функционального анализа языковых единиц. Вып.6. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2003. – С. 41–43.
22. Бондаренко, Е.В. Некоторые проблемы современной компаративистики / Е.В. Бондаренко. // Методика и лингвистика на пути к интеграции. Матер., научно-практич. конф. – Харьков: Изд-во ХГУ, 2003. – С. 26 – 28.
23. Бондаренко, Е.В. Значимость философских категорий «пространство» и «время» для языковой системы / Е.В. Бондаренко. // Единство системного и функционального анализа языковых единиц. Вып. 7. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2003. – С. 49 – 51.
24. Бондаренко, Е.В. Система языка в диахронии / Е.В. Бондаренко. // Проблемы лингвистической прогностики. Вып. 3. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2004. – С. 36 – 42.
25. Бондаренко, Е.В. Возможности синергетического подхода для типологического прогнозирования развития языковых систем / Е.В. Бондаренко. // Единство системного и функционального анализа языковых единиц. Вып.8. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2004. – С. 13 – 20.
26. Бондаренко, Е.В. Синергетические идеи в лингвистике / Е.В. Бондаренко. // Процессы самоорганизации в Универсальной истории. Матер. межд. симпозиума. – Белгород – Москва: Изд-во БелГУ, 2004. – С. 97 – 99.
27. Бондаренко, Е.В. Проблематика языковых «лакун» и их место в языковой диахронии / Е.В. Бондаренко. // *Rex Philologica*. Уч. записки Северодвинского филиала ПГУ. Вып. 4. – Архангельск: Изд-во ПГУ, 2004. – С. 132 – 136.
28. Бондаренко, Е.В. Системность языка: онтология или гносеология? / Е.В. Бондаренко. // Актуальные проблемы современного иноязычного образования. Матер. межд. конф. – Курск: Изд-во КГУ, 2005. – С. 31 – 34.
29. Бондаренко, Е.В. Вероятность, закономерность и предсказуемость процессов развития языка в диахронии / Е.В. Бондаренко. // Филология и проблемы иностранных языков. – Москва: Изд-во МГПИУ, 2005. – С. 28 – 34.
30. Бондаренко, Е.В. Основные параметры лингвосинергетического анализа / Е.В. Бондаренко. // Единство системного и функционального анализа языковых единиц. Вып. 9. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. – С. 37 – 44.

31. Бондаренко, Е.В. Самодостаточность системы языка / Е.В. Бондаренко. // Коммуникативная лингвистика: вчера, сегодня, завтра. Сб. матер. межд. науч. конф. 13 – 14 июня 2005. – Армавир: Изд-во АЛУ, 2005. – С. 21 – 27.
32. Бондаренко, Е.В. Диахроническая типология: синергетический аспект / Е.В. Бондаренко. // Слово в языке и речи: аспекты изучения. Матер. межд. научн. конф. Москва, 27 – 28 октября 2005. – Москва: Изд-во МГПУ, 2005. – С. 34 – 40.
33. Бондаренко, Е.В. Лингвистический императив / Е.В. Бондаренко. // Актуальные проблемы лингвистического образования : теоретические и методологические аспекты. Матер. межд. конф. Самара, 16 – 18 ноября, 2005. – Самара: Изд-во СГА, 2005. – С. 46 – 50.
34. Бондаренко, Е.В. Возможности применения методики экстраполяции для разносистемных языков / Е.В. Бондаренко. // Матер. межд. конф. Волгоград, 12 – 14 октября, 2005. – Волгоград: Изд-во ВГУ, 2005. – С. 22 – 27.
35. Бондаренко, Е.В. Системная реконструкция этапов грамматических инноваций в системе древнеанглийского имени / Е.В. Бондаренко. // Вестник Белгородского университета потребительской кооперации, № 2 (16), июнь 2006г. Фундаментальные и прикладные исследования. Международный научно-теоретический журнал. – Белгород, 2006. – С. 237 – 243.
36. Бондаренко, Е.В. Компаративный анализ развития языковых систем в диахронии (на материале древнеанглийского и современного русского языков) / Е.В. Бондаренко. // Вестник Белгородского университета потребительской кооперации, № 3 (17), сентябрь 2006г. Фундаментальные и прикладные исследования. Международный научно-теоретический журнал. – Белгород, 2006. – С. 320 – 330.
37. Бондаренко, Е.В. Основная проблематика лингвосинергетики / Е.В. Бондаренко. // Гуманитарные и социально-экономические науки. № 2, 2006. – Ростов: Изд-во РосГУ, 2006. – С. 137 – 141.

Публикации № 35, 36, 37 осуществлены в периодических изданиях, входящих в список Высшей Аттестационной Комиссии.

